

Твое последнее
ПИСЬМО
от твоего
любимого

ДЖОДЖО МОЙЕС

Изысканный роман о чистой любви
для безнадежных романтиков.

Sunday Canberra Times

и

Annotation

1960 год. Англия. Дженнифер Стерлинг приходит в себя на больничной койке после жуткой автомобильной катастрофы. Она не может вспомнить ни обстоятельств аварии, ни своего богатого мужа, ни даже то, как ее зовут. Окружающий мир был чужим для нее до тех пор, пока она не наткнулась на письма, адресованные ей и подписанные просто буквой «Б». Их автор признавался Дженнифер в любви и умолял ее уйти от мужа.

Уже в XXI веке Элли, молодой репортер, находит одно из писем в архиве своей газеты. Она надеется, что журналистское расследование судьбы героев этого послания не только поможет восстановить ей пошатнувшуюся карьеру, но и подскажет, как найти выход из непростой ситуации в личной жизни...

Книги Джоджо Мойес переведены на многие языки мира, регулярно входят в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», а права на их экранизацию покупают ведущие киностудии Голливуда.

Впервые на русском языке!

Джоджо Мойес

Последнее письмо от твоего любимого

Чарльзу – ты написал мне ту самую записку, с которой все началось

С днем рождения! Посылаю тебе подарок, надеюсь, понравится...

Сегодня я особенно много думаю о тебе... Понимаешь, я решила, что хотя и влюблена в тебя, но все-таки не люблю. Мне кажется, ты не тот единственный, кто предназначен мне Богом. Как бы то ни было, надеюсь, что подарок тебе понравится и ты прекрасно отметишь свой праздник.

Женщина – мужчине, в письме

Позже. Цел.

Пробираясь сквозь толпу, Элли Хоурт разглядела наконец в дальнем углу бара своих друзей. Подойдя к столику, она кидает на пол рядом со стулом сумку и достает телефон. А они уже хороши, думает девушка, взглянув на стоящие на столе пустые бутылки. Хотя обычно это и без того заметно: люди начинают говорить странными голосами, экстравагантно размахивать руками, громко смеяться.

– Ты опоздала. – Ники демонстративно глядит на часы и грозит ей пальцем. – Только не надо всех этих: «Ах, я не успевала дописать статью».

– Интервью с крайне разговорчивой и обиженной женой члена парламента. Ну простите меня, это для завтрашнего выпуска, – пытается оправдаться Элли, садясь на свободное место и наливая остатки вина себе в бокал. – Смотрите, ребята, – говорит она, кладя телефон в центр стола. – Предлагаю для обсуждения очередное слово, которое меня бесит: «позже».

– Позже?

– Ага, как способ дать понять, что разговор окончен. «Позже» – это когда? Завтра? Или сегодня, но позже? Или это просто такие подростковые отмазки, которые вообще ничего не значат?

– Ну, там написано «позже» и еще «Цел.», – взглянув на светящийся экран, перебивает ее Ники. – Что-то вроде «спокойной ночи». Мне кажется, он имеет в виду «завтра».

– Конечно «завтра», – поддерживает подругу Коринн. – «Позже» всегда означает «завтра»... или даже «послезавтра», – подумав, добавляет она.

– Бытовуха какая-то.

– Бытовуха?

– Ну, знаешь, я бы так могла нашему почтальону сказать.

– А «целую» ты бы ему тоже сказала?

– А почему нет? – хитро улыбается Ники. – У нас такой интересный почтальон...

– Мне кажется, это несправедливо, – глядя на экран телефона, вдруг заявляет Коринн. – Может, он вообще имел в виду, что сейчас занят и ему срочно надо по делам.

– Ага, к жене, например, – вмешивается в разговор Дуглас, и Элли предупреждающе смотрит на него. – А что такого? Тебе не кажется, что ты уже вышла из того возраста, когда отношения строятся на разгадывании скрытого смысла таинственных сообщений?

– Ладно... – Элли залпом выпивает вино и наклоняется над столом. – Если ты собрался читать мне лекцию, то мне срочно нужен еще один бокал.

– Отлично. То есть для того, чтобы заниматься сексом прямо в офисе, у вас отношения достаточно близкие, а вот спросить за чашечкой кофе, что он имел в виду, – это уже чересчур?

– А о чем он еще написал? Только не говори мне, что про секс у него в офисе.

– «Из дома неудобно. На следующей неделе в Дублине, пока точно не знаю. Позже. Цел.», – читает вслух Элли.

– Оставляет себе пути к отступлению, – комментирует Дуглас.

– Ну... а может, он просто пока точно не знает.

– Тогда написал бы: «Позвоню из Дублина». А еще лучше: «Купил тебе билет в Дублин».

– Жена с ним едет?

– Нет, ты что, он никогда не берет ее с собой в командировки.

– Может, кого-нибудь еще берет, – ворчит Дуглас, попивая пиво.

– Господи, насколько все было проще, когда мужчинам приходилось звонить и разговаривать с женщинами, – задумчиво качает головой Ники. – Тогда можно было хоть по голосу определить степень их нежелания.

– Да уж, – фыркает Коринн, – сидели у этого несчастного телефона часами и ждали звонка.

– О-о-о, сколько бессонных ночей...

– И постоянно снимаешь трубку, чтобы проверить, есть ли гудок...

– Но тут же бросаешь ее – а вдруг он звонит тебе именно сейчас, в эту самую минуту.

Девочки смеются. Элли понимает, что они совершенно правы, но все же с надеждой поглядывает на телефон – вдруг на мигающем экране высветится входящий звонок? Но она прекрасно знает: он не позвонит, ведь мало того что уже поздно, так еще и «из дома неудобно».

Дуглас предлагает проводить ее домой. Из их дружной компании только он нашел себе постоянную спутницу жизни. Лена – большая шишка в пиар-технологиях, поэтому часто задерживается на работе часов до десяти-одиннадцати. Она совершенно не против, что время от времени Дуглас ходит в бар со старыми подругами. Пару раз он брал Лену с собой, но ей просто не понять добрую половину всех шуток, намеков и рассказов об общих знакомых, – конечно, ведь они дружат уже лет пятнадцать. Поэтому она не возражает, что Дуглас встречается с ними без нее.

– Ну что, как жизнь, серьезный ты наш? – пихает его в бок Элли, показывая, что надо обойти тележку из супермаркета, которую кто-то оставил прямо на тротуаре. – Про себя, как всегда, ничего не рассказал, или я прослушала?

– Да ничего нового, – отвечает Дуглас. – Хотя нет, – немного помедлив, признается он, засовывая руки в карманы, – вообще-то, есть новости. Э-э-э... Лена хочет ребенка.

– Да ладно! – удивленно выпаливает Элли.

– И я тоже хочу, – поспешно добавляет он. – Мы уже давно про это думаем, но сейчас решили, что бесполезно ждать подходящего момента, потому что он вряд ли когда-нибудь настанет, – зачем тянуть?

– Дуглас, ты неисправимый романтик.

– Я... ну, не знаю... вообще-то, я очень рад, правда. Лене не придется уходить с работы – с ребенком буду сидеть я. Ну, если, конечно, все получится, сама понимаешь...

– Ты правда этого хочешь? – спрашивает Элли, стараясь сохранять спокойствие.

– Да. Работа мне все равно удовольствия не доставляет, и если честно – уже давно, а Лена зарабатывает кучу денег. Думаю, мне понравится сидеть целыми днями дома с малышом.

– Вообще-то, быть родителем – это не просто «сидеть дома с малышом»...

– Знаю-знаю, под ноги смотри, – перебивает Дуглас, аккуратно беря ее под локоть и помогая обойти лужу – Но я к этому готов: надоело каждый вечер по барам шляться, хочу перейти на следующий уровень. Ты не подумай, это я не к тому, что мне перестали нравиться наши посиделки, просто иногда я думаю, не пора ли нам немного... ну, повзрослеть, что ли...

– О нет! – верещит Элли, вцепившись в его рукав. – Ты перешел на темную сторону Силы...

– Но я же не отношусь к работе так, как ты. Ведь для тебя работа – это все, правда?

– Почти все, – соглашается она.

Пару кварталов они проходят молча, издали доносится вой сирен, хлопанье дверей машин и прочие приглушенные звуки большого города. Больше всего на свете Элли нравится именно эта часть вечера, когда она среди друзей и хотя бы ненадолго может забыть о той неопределенности, которая пронизывает остальную часть ее жизни. Она провела чудесный вечер в баре и идет домой в свою уютную квартиру. Она здорова. У нее есть кредитная карта с большим неиспользованным лимитом, есть планы на выходные, а еще у нее, в отличие от всей остальной компании, пока что нет ни единой седой волосинки – жизнь удалась.

– Ты когда-нибудь думаешь о ней? – спрашивает Дуглас.

– О ком?

– О жене Джона. Как, по-твоему, она все знает?

Все грезы Элли о счастье разбиваются, как только Дуглас заводит этот разговор.

– Понятия не имею... – коротко отвечает она. – Я бы наверняка догадалась, будь я на ее месте, – добавляет она, так как Дуглас молчит. – Он говорит, что дети для нее куда важнее. Иногда я говорю себе, что, возможно, она в каком-то смысле рада, что ей не нужно беспокоиться о нем. Ну, понимаешь, ей не нужно делать его счастливым.

– Мастерский самообман.

– Может быть... Но если честно, то ответ отрицательный: я о ней совершенно не думаю и не чувствую себя виноватой. Мне кажется, если бы у них было все хорошо, если бы у них была настоящая связь, Джон никогда не стал бы встречаться со мной.

– Женщины имеют крайне странное представление о мужчинах.

– Думаешь, он счастлив с ней? – спрашивает Элли, напряженно вглядываясь в лицо Дугласа.

– Откуда мне знать? Просто я считаю, что если он спит с тобой, то это совершенно не означает, что он несчастлив со своей женой.

Настроение меняется, и, словно обозначая эту перемену, Элли отпускает его руку и поправляет шарф.

– То есть ты хочешь сказать, что я поступаю плохо? Или что он поступает плохо?

Ну вот, наконец-то нашелся тот, кто сказал ей об этом. И не кто-нибудь, а Дуглас. Человек, который вообще не склонен осуждать других. Это причиняет боль.

– Я не думаю, будто кто-то из вас поступает плохо. Я просто вспоминаю о Лене, о том, как много будет для нее значить наш ребенок и что я мог бы пойти налево просто потому, что внимание, которое раньше доставалось мне, теперь будет принадлежать нашему

ребенку...

– Значит, ты все-таки думаешь, что Джон поступает плохо.

– Да нет... – Дуглас качает головой, останавливается, вглядываясь в ночное небо и пытаясь точнее сформулировать ответ. – Мне кажется, Элли, что тебе следует быть осторожной. Ты все время пытаешься угадать, что он имеет в виду, чего он на самом деле хочет... Зря тратишь время. По мне, все гораздо проще: ты кому-то нравишься, он тебе тоже, вы начинаете встречаться, вот и все.

– Дуглас, ты живешь в прекрасном несуществующем мире. Жаль, что в реальной жизни все по-другому.

– Ладно, давай сменим тему, не стоит об этом говорить после всего, что мы сегодня выпили.

– Нет, постой! – резко обрывает друга Элли. – Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Все в порядке, по крайней мере, теперь я знаю, что ты об этом думаешь. Дальше можешь не провожать, дойду сама. Привет Лене.

Последние два квартала до дома Элли практически бежит, не оборачиваясь и не глядя на старого друга.

Газета «Нэйшн» переезжает: коробки одна за другой отправляются в новое здание со стеклянными стенами на пестрой, оживленной набережной в восточной части города. На протяжении последних недель офис как будто медленно растворяется: высоченные горы пресс-релизов, документов и архивных вырезок исчезают, оставляя после себя пустые столы и неожиданно огромные, блестящие ламинированные поверхности, залитые беспощадным светом ламп дневного света. Происходящее напоминает археологические раскопки: всплывают давно позабытые статьи, флаги с юбилеев членов королевской семьи, армейские каски с вмятинами, полученными в давно закончившихся войнах, вставленные в рамку грамоты о победах в давно забытых конкурсах. Повсюду валяются мотки проводов и снятая с пола плитка, в потолке зияют огромные дыры, напоминающие о визитах напыщенных инспекторов санэпидстанции, пожарного надзора и прочих ведомств с неизменными папками в руках. Отдел рекламы, рубрика «Совершенно секретно» и новости спорта уже переехали на Компасс-Ки. Субботнее приложение, отдел бизнеса и отдел личных финансов готовятся к переезду в ближайшие недели. Очеркисты, в том числе и Элли, вскоре последуют по их стопам, вместе с отделом новостей. Переезд планируется осуществить очень быстро: если субботний выпуск будет подготовлен еще в старом офисе на Тёрнер-стрит, то понедельничный, словно по мановению волшебной палочки, будет делаться уже по новому адресу.

Здание, в котором редакция размещается почти сто лет, больше не соответствует требованиям газеты – неприятная, сухая фраза от руководства. Совет директоров «Нэйшн» решил, что старое здание не отражает динамичную линию современной новостной политики – слишком много потайных уголков, с раздражением отметило начальство, управленцы начинают цепляться за насиженные места.

– Надо будет отметить! – провозглашает редактор Мелисса, стоя посередине уже практически пустого кабинета.

На ней темно-красное шелковое платье, которое на Элли смотрелось бы как бабушкина ночная рубашка, а на Мелиссе – как артефакт экстравагантной высокой моды.

– Переезд? – уточняет Элли, кидая взгляд на лежащий на столе мобильник,

переведенный в беззвучный режим. Потом поглядывает на коллег, которые сидят молча, уткнувшись в свои блокноты.

– Да. Я вчера поговорила с одним из сотрудников библиотеки. Он сказал, что в архиве полно старых документов, которые никто не трогал уже много лет. Я хочу, чтобы в разделе для женщин появилась какая-нибудь история, скажем, пятидесятилетней давности: как изменились положение женщины, мода, женские профессии. Например, две реальные истории рядом – как жилось женщинам тогда и теперь. – Мелисса открывает папку, достает из нее несколько ксерокопий формата А3 и говорит спокойным тоном человека, который привык к тому, что его всегда внимательно слушают: – Вот, к примеру, из нашего раздела «Советы психолога»: *«Что мне делать? Моя жена не хочет красиво одеваться и следить за собой. Я зарабатываю тысячу пятьсот фунтов в год, и моя карьера в сфере продаж еще только начинается. Часто клиенты приглашают меня куда-нибудь вместе с супругой, но в последнее время я вынужден отказываться, потому что жена выглядит просто ужасно»*. – В кабинете раздаются сдавленные смешки, но Мелисса невозмутимо продолжает: – *«Я пытался сказать ей об этом как-нибудь помягче, но она говорит, что ее совершенно не интересуют ни украшения, ни косметика. Если честно, она ни капли не похожа на жену успешного человека, а мне бы хотелось, чтобы она выглядела именно так»*.

Как-то в разговоре с Элли Джон мимоходом упомянул, что после рождения детей его жена перестала заботиться о своей внешности, но тут же сменил тему и больше никогда не заговаривал об этом, как будто ему это казалось куда более страшным предательством, чем сам тот факт, что он спит с другой женщиной. Элли, с одной стороны, возмутил его столь джентльменский жест по отношению к супруге, а с другой – она стала еще больше восхищаться им.

Однако зерна упали на благодатную почву, и Элли представила себе жену Джона во всех красках: неряшливый халат, весь в пятнах, ребенок под мышкой и постоянные упреки во всех возможных недостатках. Элли едва удержалась, чтобы не сказать ему: «А вот я никогда такой не стану».

– Можно взять интервью у какой-нибудь современной женщины-психолога, которая отвечает на подобные письма в наши дни, – предложил редактор субботнего выпуска Руперт, склонившись над ксерокопиями.

– Думаю, это необязательно. Вы ответ послушайте: *«Возможно, вашей жене никогда не приходило в голову, что она является манекеном на витрине вашей карьеры. Возможно, она просто говорит себе, что она уже замужем, жизнь ее устроена, она счастлива, так к чему все это? Если она, конечно, вообще об этом задумывается»*.

– О, этот вечный покой супружеского ложа! – восклицает Руперт.

– *«Я не раз наблюдала, как влюбленные девушки на удивление быстро превращаются в женщин, которые бесцельно проводят свое время в уютном семейном гнездышке. Сначала они пышут энергией, героически сражаются с каждым лишним фунтом, ночами не спят, думая, где купить чулки со стрелкой, и выливают на себя пинты духов. А потом появляется мужчина, говорит: „Я люблю тебя“, и шикарная барышня непостижимым образом тут же превращается в посудомойку – счастливую посудомойку»*.

Кабинет на секунду наполняется вежливым, одобрительным смехом.

– А вы, девочки, что выбираете? Героически сражаться с лишними фунтами или стать счастливой посудомойкой?

– По-моему, я недавно видел фильм с таким названием, – невпопад говорит Руперт и тут

же смущенно утыкается в свой блокнот, так как после его реплики в кабинете воцаряется мертвая тишина.

– Тут есть над чем поработать! – провозглашает Мелисса, стуча пальцем по папке. – Элли, покопайся в архиве после обеда, может, еще что-нибудь найдешь. Нас интересует, как жили женщины лет сорок-пятьдесят назад. Пожалуй, сто – это многовато, слишком непонятно. Главный редактор хочет, чтобы мы осветили наш переезд так, чтобы он увлек читателей.

– Мне придется работать в архиве?

– Какие-то проблемы?

Да нет, никаких проблем. Конечно, при условии, что вы любите проводить время в темных подвалах, разбирая залежи номеров центристской газеты, которая выпускалась ненормальными мужчинами сталинистского толка, и копаться в материалах, которые никого не интересуют уже лет тридцать.

– Что вы, никаких проблем, – широко улыбается Элли. – Наверняка что-нибудь раскопаю.

– Гели хочешь, возьми себе в помощь кого-нибудь из сторонников лейбористов. Говорят, в отделе новостей моды есть пара человек...

Элли даже не замечает, с каким злорадством редактор произносит последнюю фразу. Недавно Мелисса окончательно разделалась с очередными выскочками, метящими в новые Анны Винтур^[1]. Не замечает, потому что думает только об одном: в подвале мобильный не ловит. Черт!

– Кстати, Элли, а где тебя носило сегодня утром?

– Когда?

– Сегодня утром. Я хотела, чтобы ты переписала ту статью о детях и тяжелых потерях, но никто не знал, где тебя найти. Как это понимать?

– Я брала интервью.

– Ну кого же? – спрашивает Мелисса с улыбкой, но Элли, прирожденный эксперт по языку жестов, тут же понимает, что это не улыбка, а скорее хищный оскал.

– У одного адвоката. Инсайдерская информация^[2] насчет проявлений сексизма в парламенте, – быстро отвечает Элли и тут же жалеет, что вообще открыла рот.

– Сексизм в деловых кругах. Да, тоже мне новость... Будь добра впредь приходите в офис вовремя. Сомнительными интервью можешь заниматься в свое личное время. Ясно?

– Ясно.

– Вот и отлично. Мне нужна статья на весь разворот для первого выпуска с набережной Компасс-Ки. Что-нибудь в духе «plus 5a change»^[3], – продолжает Мелисса, быстро записывая что-то в блокноте с кожаной обложкой. – Профессии, объявления, письма читателей... Приноси сегодня в конце дня, что найдешь, тогда и решим.

– Конечно, – спешит заверить ее Элли, направляясь вместе с остальными к выходу.

У Элли самая сияющая и профессиональная улыбка во всей редакции.

Сегодня провела день в современном варианте чистилища, пишет она, прерываясь, чтобы глотнуть вина. Архив газеты. Радуйся, что можешь придумывать истории сам.

Джон написал ей в чате на хотмейле, где он зарегистрирован под ником Щелкопер, – только им двоим понятно, что тут смешного. Элли забирается в кресло с ногами и ждет, пока компьютер издаст характерный звук, что ей пришел ответ.

На экране загорается надпись:

Эх ты, невежда. Обожаю архивы. Напомни мне, когда мы снова решим поразвлечься, чтобы в следующий раз я отвел тебя в Национальную библиотеку публицистики.

Элли с улыбкой пишет:

А ты знаешь, как сделать девушке приятно.

Стараюсь изо всех сил.

Единственный человекообразный библиотекарь нашего архива дал мне целую кипу бумаг. Не самое интересное чтение перед сном.

Она отправляет сообщение и тут же думает, не слишком ли жалостливо оно звучит, добавляет смайлик и тут же жалеет об этом, вспоминая, что недавно он написал эссе для «Литературного обозрения» о том, что смайлики – яркое доказательство того, сколь бедна современная коммуникация.

Это был иронический смайлик, добавляет она и, взволнованно прижимая руку ко рту, ожидает ответа.

Погоди. Мне звонят.

Экран гаснет.

Мне звонят... Жена? Джон сейчас в своем номере в Дублине. Говорит, отличный вид на море.

Тебе бы понравилось.

Ну что ему на это ответить? Возьми меня с собой в следующий раз? Слишком настойчиво. Наверняка бы понравилось? Как-то язвительно звучит.

Да, пишет она после долгих мучений и громко вздыхает – все равно ведь он не слышит...

Сама виновата, наперебой говорят ей друзья. И, что самое удивительное, на этот раз Элли с ними совершенно согласна.

Они познакомились на книжном фестивале в Саффолке. Элли послали туда взять интервью у модного писателя, который заработал целое состояние на триллерах, оставив наконец попытки опубликовать что-то более серьезное в литературном отношении. Автора зовут Джон Армор, главный герой его книг Дэн Хобсон – это сплав старомодных представлений о мужественности и напоминает мультяшного героя. Она договорилась пообедать с ним и, направляясь на интервью, ожидала, что тот начнет неуклюже защищать подобную литературу, возможно, отпустит пару-другую страдальческих вздохов на предмет издательского бизнеса – в общем, будет вести себя как все остальные писатели-зануды. Элли приготовилась выдержать целый час в обществе очередного толстяка средних лет, отъевшего брюхо, сидя за письменным столом, но за столиком ее ждал подтянутый мужчина высокого

роста, чье загорелое, веснушчатое лицо напомнило ей о повидавших жизнь фермерах Южной Африки. Он оказался забавным и обаятельным парнем, внимательным слушателем и к тому же обладал изрядной долей самокритичности. Казалось, это он берет у нее интервью: расспросил Элли о том, как она живет, и лишь после этого поведал ей свою теорию происхождения языка и рассказал, что, по его мнению, общение между людьми постепенно вырождается, превращаясь в жалкое подобие истинной коммуникации.

Когда им принесли кофе, Элли вдруг с ужасом обнаружила, что не делает записей уже минут сорок. Они вышли из ресторана и направились обратно, к месту проведения литературного фестиваля. Близился Новый год, зимнее солнце тускло освещало крыши малоэтажек главной улицы Саффолка, городской шум постепенно затихал. Элли немного перебрала, ей совершенно не хотелось уходить из ресторана, и слова сорвались с ее языка прежде, чем она успела подумать, стоит ли говорить об этом вслух.

– Ну разве вам не нравится, как они звучат?

– Кто – они?

– Языки. Испанский, например... Нет, итальянский. Вот поэтому-то я обожаю итальянскую оперу и на дух не переношу немецкую. Все эти грубые гортанные звуки, фу! – выпалила Элли и, не услышав ничего в ответ, разнервничалась. – Знаю, что это жутко немодно, но я обожаю Пуччини. Такой накал страсти! А это раскатистое «rrrr», а четкое стаккато фразировки, – заикаясь, продолжала она, начиная, однако, понимать, что ее монолог звучит до смешного напыщенно и пафосно.

Джон остановился, бросил взгляд на уходящую вдаль улицу и, повернувшись к Элли, внимательно посмотрел ей в глаза.

– Я не люблю оперу! – с вызовом произнес он.

О господи, в ужасе подумала Элли, чувствуя, как под ногами закачалась земля и предательски засосало под ложечкой. Они молча целую минуту смотрели друг на друга, а потом он заговорил, впервые назвав ее по имени:

– Послушай, Элли... мне надо кое-что забрать из отеля до того, как я вернусь на фестиваль. Хочешь со мной?

Они набросились друг на друга еще раньше, чем он закрыл дверь спальни: тела сплелись, губы жадно искали поцелуя, руки в спешке срывали одежду, словно исполняя движения какого-то неистового танца.

Впоследствии, вспоминая об этом, она восхищалась тем, как вела себя – как будто у нее случилось временное помрачение рассудка. Она прокручивала эту сцену в голове сотни раз, но постепенно стала забывать об ощущении чего-то важного, о переполнявших ее в тот момент эмоциях. И в конце концов воспоминание превратилось во множество разрозненных фрагментов: ее совершенно неподходящее для такого случая повседневное белье, в спешке брошенное на гладильную доску, их безумный хохот, когда они валялись на полу, укрывшись синтетическим пледом с монограммой отеля, его радостный и совершенно неподобающий вид, когда он перед уходом отдавал администратору ключ от номера.

Джон позвонил ей через два дня, и эйфория от произошедшего тут же сменилась легким разочарованием, когда его голос в трубке произнес:

– Ты знаешь, что я женат. Читала наверняка в статьях.

– Я прочитала о тебе все, что нашла в Google, – тихо призналась она.

– Я раньше никогда... никогда не изменял жене и пока не понимаю, как так вышло...

– Думаю, во всем виновата запеканка, – вымученно отшутилась Элли.

– Что ты со мной делаешь, Элли Хоурт? С нашей встречи прошло сорок восемь часов, а я до сих пор не написал ни строчки... Из-за тебя я забываю, что хотел сказать, – смущенно добавил он.

Значит, я пропала, подумала Элли. Она поняла это еще в ту самую минуту, когда ощутила тяжесть его тела и тепло его губ. Несмотря на все, что она говорила своим подругам о женатых мужчинах, несмотря на все, во что она свято верила, достаточно было лишь малейшего шага навстречу с его стороны, и она пропала.

И сейчас, год спустя, она так и не нашлась – если честно, даже и не пыталась.

Он снова появляется онлайн почти через сорок пять минут. За это время Элли отошла от компьютера, налила себе еще вина, бесцельно побродила по квартире, зашла в ванную и долго разглядывала себя в зеркало, собрала разбросанные по квартире носки и положила их в бельевую корзину. Потом раздался характерный звук – пришло сообщение, – и она снова устроилась в кресле перед компьютером.

Прости. Не думал, что так долго. Надеюсь, завтра поболтаем.

Он попросил ее ни в коем случае не звонить ему на мобильный – распечатки от оператора обычно детализируются.

А ты сейчас в гостинице? – быстро набирает она. Может, я тебе в номер позвоню? Говорить с ним по-настоящему – это роскошь, редко когда выпадает такой шанс. Господи, ей ведь всего-то нужно услышать его голос.

Мне пора ехать на ужин, красотка. Прости – уже опаздываю.

Позже. Цел.

И пропадает.

Элли сидит, уставившись в пустой экран. Сейчас Джон выйдет из номера, пройдет по холлу отеля, очарует по дороге всех администраторов, выйдет на улицу и сядет в машину, которую прислали за ним организаторы фестиваля. Вечером с ходу выдаст потрясающий тост, а потом будет развлекать тех, кому повезет сидеть с ним за одним столом, и время от времени мечтательно вглядываться куда-то в даль. Он будет жить настоящей жизнью, а она... Ее жизнь словно поставили на паузу.

Что она такое творит?

– Что я такое творю? – говорит Элли вслух, щелкая по надписи «Свернуть окно». Она падает на огромную пустую кровать и, глядя в потолок спальни, стонет от собственного бессилия. Подругам не позвонить: она уже сто раз говорила с ними об этом и всегда получала одну и ту же реакцию – оно и понятно, а как им еще реагировать? Слова, сказанные Дагом в тот вечер, сильно задели ее, но в подобной ситуации она и сама сказала бы то же самое.

Элли садится на диван, включает телевизор, а потом ее взгляд вдруг падает на стопку бумаги, лежащую на столе, и она вспоминает о статье. Ругая Мелиссу на чем свет стоит, Элли начинает разбираться в архивных материалах – сплошной хаос, кажется, так сказал ей библиотекарь, ни рубрик, ни дат. «Я не успеваю разобрать все бумаги. Нам приходится выкидывать много таких стопок», – сказал ей единственный библиотекарь младше

пятидесяти. Интересно, почему я его раньше не видела, мимоходом спрашивает себя Элли.

– Посмотри, может, тебе что-нибудь пригодится, – сказал он, а потом наклонился и шепнул ей на ухо заговорщическим тоном: – Все ненужное можешь выкинуть, только шефу не говори. Просто у нас совершенно нет времени разбираться со всей этой грудой бумаги.

Вскоре она начинает понимать его: несколько рецензий на театральные постановки, список пассажиров круизного лайнера, несколько меню ужинов, на которых присутствовали газетные знаменитости. Она быстро просматривает их, время от времени поглядывая на телевизор. Да, вряд ли что-то из этого хлама сможет заинтересовать Мелиссу...

Элли листает потрепанную папку – кажется, какие-то медицинские записи. Везде речь идет о легочных заболеваниях, отмечает про себя она, все пациенты имеют отношение к шахтам. Она уже собирается бросить папку в корзину для бумаг, как вдруг ее внимание привлекает торчащий из середины голубой листок. Вытащив его большим и указательным пальцем, она обнаруживает, что это вовсе не листок, а вскрытый конверт с написанным от руки почтовым адресом. Внутри лежит письмо, датированное четвертым октября 1960 года.

Моя дорогая, единственная моя!

Я говорил серьезно. Я пришел к выводу, что есть лишь один выход: кто-то из нас должен решиться на отчаянный шаг. Я правда так думаю.

Я не такой сильный человек, как ты. Когда мы познакомились, я думал, что ты хрупкое создание, которое нуждается в моей защите, а теперь понимаю: все не так. Ты сильный человек, ты можешь продолжать жить, зная, что настоящая любовь возможна, но у нас никогда не будет на нее права.

Прошу, не осуждай меня за мою слабость. Для меня единственный способ пережить это – уехать туда, где мы никогда не увидимся, где меня не будут преследовать мысли, что я могу случайно встретить тебя с ним на улице. Мне надо оказаться там, где сама жизнь будет упорно заставлять меня забыть о тебе, гоня прочь мысли о тебе минуту за минутой, час за часом. Здесь этого не произойдет.

Я решил согласиться на эту работу. В пятницу в 7.15 вечера я буду стоять на четвертой платформе на вокзале Паддингтон, и ничто в мире не сделает меня более счастливым, чем если у тебя найдется смелость уехать со мной.

Если ты не придешь, я пойму, что, несмотря на все наши чувства друг к другу, все-таки их недостаточно. Я ни в чем не упрекну тебя, дорогая. Знаю, последние недели были для тебя невыносимыми, и прекрасно понимаю, каково тебе. Я ненавижу себя за то, что стал причиной твоего несчастья.

Буду ждать тебя на платформе с 7.15. Помни, что мое сердце и мое будущее – в твоих руках.

Твой

Б.

Элли перечитывает письмо еще раз, чувствуя, как на глаза по какой-то необъяснимой причине вдруг наворачиваются слезы. Она не может отвести взгляд от крупного, размашистого почерка: искренность этих слов и через сорок лет после написания просто ошеломляет. Она вертит в руках конверт, ища хоть какую-нибудь подсказку. Адрес получателя: абонентский ящик 13, Лондон. И как же ты поступила, а/я 13, мысленно спрашивает адресатку Элли, а потом встает, аккуратно убирает письмо в конверт, подходит к

компьютеру, открывает почту и нажимает «Обновить». Ничего – на экране мерцает последнее сообщение, полученное в семь сорок пять:

Мне пора ехать на ужин, красотка. Прости – уже опаздываю.
Позже. Цел.

Часть 1

Для меня единственный способ пережить это – уехать туда, где мы никогда не увидимся, где меня не будут преследовать мысли, что я могу случайно встретить тебя с ним на улице. Мне надо оказаться там, где сама жизнь будет упорно заставлять меня забыть о тебе, гоня прочь мысли о тебе минуту за минутой, час за часом. Здесь этого не произойдет.

Я решил согласиться на эту работу. В пятницу, в 7.15 вечера я буду на четвертой платформе на вокзале Паддингтон, и ничто в мире не сделает меня более счастливым, чем если у тебя найдется смелость уехать со мной.

Мужчина – женщине, в письме

Она начала приходить в себя.

Шуршание, скрип стула, резко задернутая занавеска. Два голоса шепотом переговариваются между собой.

– Я позову мистера Харгривза.

Наступила тишина, и тут она вдруг осознала другой слой звуков – приглушенные голоса где-то вдалеке, шум проезжающей мимо машины. Странно, но все это как будто находилось где-то внизу. Лежа, она впитывала в себя звуки, позволяя им кристаллизоваться, возникать в сознании и вновь пропадать, постепенно узнавая каждый из них.

И тут она ощутила боль. Боль накрывала ее изнутри, словно поднимаясь по лестнице и с каждой ступенькой все разрастаясь и разрастаясь: сначала рука – острая, обжигающая боль от локтя до плеча, потом голова – тупая, неумолимая пульсация. Болело все тело, как будто она...

Как будто она?..

– Доктор зайдет через минутку. Просил, чтобы вы закрыли жалюзи.

Во рту пересохло, она сжала губы, мучительно пытаясь сглотнуть. Хотела попросить воды, но речь еще не вернулась. Слегка приоткрыв глаза, она увидела рядом с кроватью две расплывчатые фигуры. Как только ей казалось, что она вот-вот поймет, кто это, они начинали двигаться, и картинка вновь расплывалась. Голубые. Они были голубые.

– Слышала, кто к нам поступил на первый этаж?

– Девушка Эдди Кокрейна, – шепотом ответил второй голос. – Ну, та самая, которая выжила после аварии. Она, оказывается, ему песни писала. Теперь разве что в память о нем напишет...

– Да ну, все равно она никогда не будет петь так, как он, бьюсь об заклад.

– Тут с самого утра толпа журналистов, старшая медсестра просто с ног сбилась.

Она не понимала, о чем идет речь. Головная боль отдавалась в висках, становясь все сильнее и громче, ей оставалось лишь закрыть глаза и ждать, кто отступит первым – она или боль. Вскоре ее окружило белое сияние, накрыв словно волной. С тихим вздохом благодарности она соскользнула в объятия забытья.

– Вы проснулись, дорогая? К вам гости.

Над ней быстро мелькнул солнечный зайчик – едва уловимый, он метнулся в одну сторону, потом в другую. Внезапно она вспомнила свои первые наручные часы. Она подставляла стекло под солнечный луч, пускала зайчиков по потолку детской – туда-сюда, туда-сюда – и дразнила свою собачку, которая принималась истошно лаять и гоняться за ними.

Снова появилась голубая фигура. Она видела, как та двигается и шуршит совсем близко. Чья-то рука коснулась ее запястья, и она вскрикнула от неожиданной вспышки боли.

– Будьте любезны, поосторожнее с той стороны, сестра, – с упреком произнес чей-то голос. – Ей больно.

– Прошу прощения, мистер Харгривз.

– Потребуется еще одна операция на руке. Мы наложили швы в нескольких местах, но этого недостаточно.

В изножье кровати появилась темная фигура. Она пыталась различить ее очертания, но темная фигура не поддавалась, точно так же, как и голубые, и, обессилев, она закрыла глаза.

– Можете посидеть с ней, если хотите. Поговорите с ней, она наверняка услышит вас.

– Как... как ее состояние?

– Боюсь, что кое-где останутся шрамы, особенно на руке. К тому же она довольно сильно ударилась головой, поэтому, возможно, ей потребуется время, чтобы полностью прийти в себя. Однако, учитывая тяжесть аварии, можно считать, что отделалась она относительно легко.

– Хорошо, – помолчав, согласился другой голос.

Рядом с кроватью кто-то поставил вазу с фруктами.

Она снова открыла глаза, постаралась сфокусировать взгляд, различить форму и цвет. И после долгих попыток наконец поняла: там лежит виноград. Виноград, повторила она про себя, виноград. Почему-то это слово казалось ей очень важным, оно словно привязывало ее к этой новой окружающей действительности.

Но ваза исчезла так же внезапно, как и появилась, – ее заслонила синяя бесформенная масса, опустившаяся рядом с ней на кровать. Фигура приблизилась, и она ощутила едва уловимый запах табака. Незнакомый голос нерешительно, пожалуй даже смущенно, спросил:

– Дженнифер? Дженнифер? Ты меня слышишь? – Он говорил так громко, слова без спроса вторгались в ее сознание: – Дженни, дорогая, это я.

Интересно, мне еще дадут посмотреть на виноград, подумала она, я обязательно должна посмотреть на виноград: спелый, фиолетовый, надежный, знакомый.

– Вы уверены, что она меня слышит?

– Практически уверен, но думаю, что общение для нее сейчас слишком утомительно.

Потом слова превратились в неразборчивый шепот. Или она просто не могла разобрать, о чем они говорят. Все казалось таким туманным...

– Мож... но... можно... – прошептала она.

– Но ее разум не поврежден? После аварии? Вы уверены, что не будет никаких... долгосрочных...

– Как я вам уже говорил, она довольно сильно ударилась головой, но с медицинской точки зрения опасаться нет причин, – заявил голос, шелестя бумагами. – Кость цела. Отека мозга нет. С другой стороны, последствия таких травм бывают непредсказуемыми. Все пациенты реагируют по-разному. Поэтому вам просто надо быть с ней немного...

– Пожа... пожалуйста, – едва слышно прошептала она.

– Мистер Харгривз, по-моему, она пытается что-то сказать.

– ...хочу видеть...

– Да? – спросило появившееся перед ней лицо.

– ...хочу видеть...

Дайте мне посмотреть на виноград, безмолвно умоляла она. Я просто хочу видеть виноград.

– Она хочет видеть мужа, – выпрямившись, радостно заявила медсестра. – Думаю, она сказала, что хочет видеть мужа.

Повисла пауза, затем к кровати кто-то подошел:

– Я здесь, дорогая. Все... все будет хорошо.

Фигура исчезла из поля зрения, а потом она услышала, как один из мужчин похлопал другого по плечу и произнес:

– Вот видите? Она потихоньку начинает приходить в себя. Всему свое время, так ведь? Сестра, попросите старшую медсестру приготовить больной ужин. Ничего тяжелого – только легкая пища, лучше полужидкая. Заодно можете принести нам по чашечке чая.

Раздались чьи-то удаляющиеся шаги, кто-то продолжал тихо разговаривать где-то неподалеку. Перед тем как снова провалиться в забытье, она успела подумать: «Я замужем?»

Позднее ей рассказали, сколько времени она провела в больнице, и она просто не могла поверить в это. Время превратилось в раздробленную, неподвластную ей субстанцию, часы хаотично приходили и уходили, сливаясь в неразборчивые обрывки: завтрак во вторник – и тут же обед в среду. Похоже, она проспала около восемнадцати часов кряду, говорили ей с некоторым неодобрением, как будто отсутствовать в бодрствующем состоянии сознания так долго – намеренное хамство с ее стороны. А потом снова наступила пятница.

Иногда она просыпалась в темноте, прижималась щекой к накрахмаленной белой подушке и наблюдала за неспешной жизнью клиники, из коридора доносилось шуршание шагов медсестер, иногда – обрывки разговора между сестрой и кем-то из пациентов. Сестры сказали ей, что если она хочет, то может вечером смотреть телевизор. Ее муж оплачивает все услуги частной клиники – она может получить все, что ее душе угодно. Она всегда вежливо отказывалась: беспорядочный поток информации и без того утомлял ее, не хватало еще постоянной болтовни из ящика в углу палаты.

Постепенно периоды бодрствования становились все более продолжительными и частыми, и вскоре она стала узнавать лица других пациенток небольшой клиники.

В палате справа лежала пожилая женщина, ее черные как смоль волосы всегда были безукоризненно убраны в высокую прическу, зафиксированную лаком, а на лице застыло слегка удивленное выражение. Видимо, в молодости она снималась в кино, о чем милостиво сообщала каждой новенькой медсестре. Она говорила в приказном тоне, посетители у нее бывали редко. В палате напротив лежала пухленькая молодая женщина, которая каждое утро принималась тихо рыдать в подушку. Каждый вечер, ровно на час, какая-то строгая пожилая дама – видимо, гувернантка – приводила к ней двух малышей. Мальчишки пытались забраться к маме в кровать, постоянно дергали ее, пока гувернантка не призывала их к порядку: «А вдруг вы покалечите свою мать?»

Сестры сказали ей, как зовут других пациенток, и представились сами, но она не смогла запомнить ни одного имени, чем, как ей казалось, крайне разочаровала их.

«Ваш муж», как все его называли, обычно заходил к ней вечером. неизменно одетый в костюм элегантного покроя, из синей или серой саржи, он машинально целовал ее в щеку и присаживался на кровать у нее в ногах. Он настойчиво расспрашивал ее во всех подробностях о том, вкусно ли ее кормят, не нужно ли ей что-то еще. Иногда просто читал газету.

Он оказался мужчиной приятной наружности, лет на десять старше ее, с высоким лбом и серьезным взглядом из-под тяжелых век. В глубине души она понимала, что он именно тот, за кого себя выдает, что она его жена, но каждый раз испытывала смущение оттого, что совершенно ничего к нему не чувствует, – ведь от нее ожидали совсем иной реакции. Иногда она улучала момент, когда он не смотрел на нее, и в отчаянии искала в его лице хоть что-то

знакомое, а иногда просыпалась и замечала, что он сидит рядом с ее кроватью, опустив газету, и пристально разглядывает ее, словно тоже пытается отыскать в ней знакомые черты.

Каждый день к ней приходил лечащий врач, мистер Харгривз, заглядывал в карточку, спрашивал, какой сегодня день, сколько времени и как ее зовут. Постепенно она стала правильно отвечать на все его вопросы и даже смогла сообщить ему, что премьер-министра зовут Макмиллан, а ей самой – двадцать семь лет. Однако газетные заголовки, в которых упоминались события, произошедшие до ее поступления в клинику, по-прежнему давались ей с трудом. «Не торопитесь, дорогая, – приговаривал доктор, поглаживая ее по руке, – всему свое время. Вот и умница».

Часто приходила мать и приносила с собой какие-нибудь гостинцы: мыло, хороший шампунь, журналы, словно пытаясь напомнить дочери, какой она была раньше. «Дженни, душечка, мы так за тебя волновались», – говорила она, кладя прохладную руку на лоб дочери. Это было приятное ощущение – незнакомое, но приятное. Иногда мать начинала о чем-то расспрашивать ее, а потом вдруг осекалась и бормотала: «Нет-нет, я не должна утомлять тебя расспросами. Доктора говорят, что со временем ты все вспомнишь, так что не волнуйся».

Да я и не волнуюсь, хотелось сказать Дженни. В этом маленьком мирке было уютно и покойно, просто ее немного печалило то, что она никак не могла стать такой, как раньше, а все ожидали от нее именно этого, а потому она ощущала себя потерянной и, рано или поздно, всегда засыпала.

Однажды утром доктор сообщил ей, что близится выписка. Стояла морозная погода, струйки дыма расчертили над столицей ярко-голубое зимнее небо, словно накрыв его белой невесомой паутиной. Она уже могла сама гулять по коридору, меняться журналами с другими пациентками, которые оживленно беседовали с медсестрами или слушали радио, если было настроение. Врачи говорили, что после второй операции рука хорошо заживает, хотя любое прикосновение к длинному багровому шраму на том месте, куда вставили пластину, заставляло ее морщиться от боли, поэтому она старалась всегда носить одежду с длинным рукавом. Слух и зрение пришли в норму, тысячи мелких порезов от разбившегося стекла постепенно зажили, синяки прошли, сломанное ребро и ключица срослись, и теперь она могла спать в разных положениях, не чувствуя боли.

Она стала во всех отношениях «самой собой», наперебой заверяли ее они, как будто думали, что если часто повторять это, то рано или поздно она поймет, что они имеют в виду, и все вспомнит. Мать часами сидела у нее в палате, листая пухлые альбомы с черно-белыми фотографиями, пытаясь показать Дженнифер ее собственную жизнь.

Мать рассказала, что замуж она вышла четыре года назад, а затем тихо добавила, что детей у них с мужем пока нет, – это несколько разочаровывало окружающих. Она живет в красивом особняке в самом респектабельном районе Лондона, у нее есть экономка и шофер – многие юные леди отдали бы все, чтобы получить хотя бы половину того, что она имеет. Ее муж – видный бизнесмен, занимается чем-то связанным с шахтами, часто ездит в командировки, но настолько предан ей, что с тех пор, как она попала в аварию, даже отменил несколько крайне важных поездок. Персонал клиники отзывался о ее муже с таким уважением, что, видимо, он и правда был важным человеком, а значит, и она могла рассчитывать на подобное отношение, хотя самой Дженнифер это казалось совершенно абсурдным.

О том, как она оказалась в клинике, ей никто не рассказывал, хотя однажды ей удалось

тайком заглянуть в записи доктора и узнать, что она попала в автокатастрофу. Она попыталась вытянуть из матери хоть какие-то подробности аварии, но та покраснела как рак, похлопала Дженнифер по руке своей пухлой ручкой и заявила, что ей «не надо об этом думать, это все было так... ужасно». На глаза матери навернулись слезы, и Дженнифер, не желая расстраивать ее еще больше, быстро сменила тему.

К Дженнифер пришла беспрерывно щебечущая девушка с копной огненно-рыжих волос, чтобы подстричь ее и сделать укладку. «Вы сразу же почувствуете себя куда лучше», – пообещала она Дженнифер. Небольшой участок волос на затылке сбрили, когда зашивали рану, и девушка заверила, что она просто мастер скрывать такие досадные недостатки.

Через час с небольшим девушка театральным жестом развернула Дженнифер к зеркалу, и та с трудом узнала себя: из зеркала на нее смотрела довольно симпатичная молодая женщина. У нее еще не до конца сошли синяки, лицо слегка бледное, но приятное, с долей удовлетворения отметила она и тут же поправилась: «у меня», «мое лицо».

– А у вас с собой есть косметика? – спросила парикмахерша. – Могу сделать вам макияж. Ведь ваша рука, наверное, еще не совсем зажила. Немного помады всегда освежает, мадам. И капелька тонального крема тоже не помешает.

– Думаете, стоит? – с сомнением в голосе спросила Дженнифер, не сводя глаз с собственного отражения.

– О да, конечно. Вы же такая красавица. Я могу сделать вам легкий макияж, только чтобы щечки засияли.

Погодите, сбегая вниз за косметичкой. У меня есть новые оттенки из Парижа, вам идеально подойдет помада от Шарля Рида.

– Ну вот, само очарование! Как приятно видеть даму при макияже. Сразу понимаешь, что леди на высоте! – воскликнул мистер Харгривз во время обхода. – Ждете не дождетесь возвращения домой, да, дорогая?

– Да, конечно, – вежливо ответила она, оставив попытки убедить его в том, что она понятия не имеет, как выглядит ее «дом».

Некоторое время доктор пристально изучал ее лицо. Видимо, заметил неуверенность в ее голосе, а потом присел на край кровати и, положив руку ей на плечо, заговорил:

– Дорогая, я понимаю ваше замешательство: вы еще не пришли в себя окончательно, но прошу вас, не волнуйтесь о том, что пока многое вам неясно. Черепно-мозговые травмы довольно часто вызывают амнезию. Вас окружают любящие люди, и я уверен, что когда вы попадете в знакомую обстановку, войдете в привычный ритм жизни – подружки, прогулки по магазинам и так далее, – то вскоре обнаружите, что все вернулось на круги своя.

Дженнифер послушно кивнула. Она уже давно поняла, что людей радует, когда она соглашается со всем, что они говорят.

– Придете ко мне через неделю. Посмотрим, как будет заживать ваша рука. Для полного восстановления потребуются курс физиотерапии, однако в первую очередь вам нужно побольше отдыхать и ни о чем не беспокоиться, хорошо, дорогая? – проговорил он, направляясь к двери.

Что она могла ему ответить?

Муж забрал ее в начале шестого, сразу после вечернего чая. Медсестры в идеально накрахмаленных халатах выстроились на первом этаже, у стойки регистратуры, чтобы

попроситься с ней. Она была все еще слаба и с трудом держалась на ногах, поэтому с благодарностью взяла мужа под руку, когда тот предложил ей помощь.

– Спасибо, что позаботились о моей супруге. Будьте любезны, пришлите счет мне в офис, – попросил он старшую медсестру.

– Мы рады, что смогли помочь, – пожав ему руку, ответила та и, улыбнувшись, взглянула на Дженнифер. – Так приятно видеть ее на ногах. Миссис Стерлинг, вы чудесно выглядите.

– Я чувствую себя... намного лучше, спасибо, – ответила Дженнифер.

На ней были длинное кашемировое пальто и шляпка без полей в тон. Он распорядился, чтобы ей в клинику прислали три наряда. Она выбрала самый неброский, не желая привлекать к себе лишнее внимание.

– Секретарша сказала, что на улице стоит толпа газетчиков – ждут девушку Кокрейна, – крикнул им доктор Харгривз, выглядывая из кабинета. – Если хотите избежать лишней шумихи, воспользуйтесь черным ходом.

– Да, вы правы. Не могли бы вы сообщить моему шоферу, чтобы он заехал с другой стороны?

После нескольких недель, проведенных в теплой клинике, воздух показался ей просто ледяным. Задышавшись, она изо всех сил старалась не отставать от мужа и в конце концов очутилась в салоне большого черного автомобиля, уютно устроившись сзади на просторном кожаном сиденье. Дверь захлопнулась, послышалось утробное рычание мотора, и они выехали на оживленные улицы Лондона.

Она разглядывала через окно толпу газетчиков, теснившихся на ступеньках у входа в клинику, и фотографов, сравнивавших объективы. По тротуарам центральных улиц двигался нескончаемый поток людей. Подняв воротники и поглубже надвинув на лоб шляпы, чтобы укрыться от ветра, они все куда-то спешили.

– А кто такая «девушка Кокрейна»? – спросила она у мужа, который что-то тихо говорил водителю.

– Кто-кто? – переспросил он.

– Девушка Кокрейна, про которую говорил мистер Харгривз.

– А, кажется, подружка какого-то популярного певца. Они попали в автокатастрофу незадолго до...

– Все только о ней и говорят – медсестры, пациентки...

– Я отвезу миссис Стерлинг домой, – обратился он к водителю, явно потеряв всякий интерес к разговору. – И как только устрою ее, поеду в офис.

– А что с ним случилось? – спросила она.

– С кем?

– С этим Кокрейном. Певцом.

Муж посмотрел на нее, словно раздумывая над тем, как ей ответить, а затем коротко сказал, прежде чем снова повернуться к водителю:

– Он умер.

Она медленно поднималась по ступеням белого особняка с лепниной, и стоило ей ступить на последнюю ступеньку, как дверь, словно по мановению волшебной палочки, распахнулась. Водитель аккуратно поставил ее саквояж на пол в холле и тут же удалился. В дверях стояла темнокожая женщина средних лет, явно ожидавшая их приезда. Муж благосклонно кивнул ей. Дженнифер скользнула по ней взглядом – аккуратная кичка,

костюм темно-синего цвета.

– Добро пожаловать домой, мадам! – воскликнула она с сильным акцентом, протягивая Дженнифер руку, и широко улыбнулась. – Мы так рады, что вы поправились.

– Спасибо... Спасибо, – запнувшись, поблагодарила Дженнифер, поняв, что не знает ее имени, но спросить не решилась.

Женщина взяла у них пальто и исчезла в недрах холла.

– Ты устала? – спросил он, внимательно глядя на нее.

– Нет-нет, я в порядке, – отозвалась она, оглядываясь по сторонам и с ужасом убеждаясь в том, что это место ей совершенно незнакомо.

– Мне пора возвращаться в офис. Я могу оставить тебя с миссис Кордозой?

Кордоза. В этом имени было что-то знакомое. Она ощутила благодарность за то, что он тактично напомнил ей имя экономки.

– Конечно, все будет хорошо. Пожалуйста, не волнуйся за меня.

– Вернусь в семь... если ты точно уверена, что все в порядке.

Ему явно не терпелось уйти. Он наклонился к ней, поцеловал в щеку и, немного помедлив, развернулся и ушел.

Стоя в коридоре, Дженнифер прислушивалась к его затихающим шагам, приглушенному реву двигателя – огромная машина отъехала от дома, который вдруг показался ей пустым и огромным.

Она дотронулась до шелковистых обоев, скользнула взглядом по полированному паркету, головокружительно высокому потолку, а потом точным, решительным движением сняла перчатки, наклонилась над стоящим в коридоре столиком и принялась разглядывать фотографии. Вот большое фото в вычурной серебряной рамке, отполированной до блеска, – их свадьба: на ней облегающее белое платье, лицо наполовину скрыто кружевной фатой, рядом стоит широко улыбающийся муж. Я действительно замужем, подумала она, я здесь такая счастливая...

Миссис Кордоза подошла из-за спины, и Дженнифер подпрыгнула от неожиданности.

– Я подумала, может быть, вы хотите, чтобы я принесла вам чая? – сложив руки на переднике, поинтересовалась экономка. – Не хотите присесть в гостиной? Я затопила камин, пойдемте, мадам.

– Это было бы просто... – начала Дженнифер, но тут же осеклась, в панике глядя на огромное количество дверей, расположенных вдоль длинного коридора. Она еще раз взглянула на фотографию. – Миссис Кордоза, – неуверенно произнесла она, – вы меня не проводите? Мне нужно присесть, я еще недостаточно окрепла.

Дженнифер и сама не знала, почему ей не захотелось говорить экономке, что она не помнит расположения комнат в собственном доме. Ей казалось, если притвориться, будто все нормально, то сначала в это поверят окружающие, а потом и она сама.

Экономка сообщила, что приготовила ужин – картофельную запеканку с зеленой фасолью – и оставила его в духовке. Дженнифер поняла, что с ужином придется подождать до возвращения мужа: правая рука все еще плохо слушалась и она решила сама не накрывать на стол, чтобы не уронить тяжелый чугунный сотейник.

Около часа она в одиночестве бродила по огромному дому, знакомясь с ним, открывая все ящики и разглядывая фотографии. «Это мой дом, – повторяла она про себя, – мои вещи, мой муж». Пару раз она попробовала, не раздумывая, найти ванную и кабинет и с радостью

обнаружила, что какая-то часть ее сознания все-таки помнит это место. Разглядывая книги в гостиной, она с некоторым удовлетворением отметила, что, хотя многие из них казались ей незнакомыми, большинство сюжетов она хорошо помнила.

Большую часть времени Дженнифер провела в спальне. Миссис Кордоза распаковала ее чемодан и убрала все по местам. Открыв два встроенных шкафа, она обнаружила там огромное количество хранящихся в безупречном порядке вещей. Одежда и обувь идеально подходили ей, даже самые разношенные туфли. На туалетном столике стройными рядами лежали щетки для волос, духи и пудра. Ароматы духов вызывали у нее смутные, но приятные воспоминания. Косметика идеально подходила ей: «Коти», «Шанель», «Элизабет Арден», «Дороти Грей» – ее столик был заставлен маленьким батальоном дорогих кремов и лосьонов.

Дженнифер открыла один из ящичков и стала перебирать сорочки, бюстье и прочее белье из шелка и кружева. Я женщина, которая заботится о своей внешности, отметила про себя она. Усевшись перед трельяжем, она принялась разглядывать свое отражение, а потом взяла щетку и стала долгими, уверенными движениями расчесывать волосы. Вот так я и живу, несколько раз повторила она про себя.

Как только Дженнифер охватывало ощущение, что она здесь чужая, она тут же пыталась занять себя разными мелочами: перекладывала полотенца в гардеробной на первом этаже, расставляла тарелки и бокалы.

Когда муж вернулся домой, еще не было семи. Перед тем как пойти встречать его в холл, она освежила макияж и слегка надушила шею и плечи. Гму это понравилось, отметила про себя она, иллюзия нормальности. Она взяла у него пальто, повесила в шкаф и спросила, не желает ли он чего-нибудь выпить.

– С удовольствием, спасибо, – согласился он.

Дженнифер растерянно взяла в руку один из графинов, муж обернулся и, увидев ее замешательство, подбодрил ее:

– Да-да, дорогая, все верно: виски. На два пальца, со льдом, пожалуйста.

За ужином он сидел справа от нее за огромным столом из отполированного красного дерева, большая часть которого оставалась не накрытой. Она разложила горячее на тарелки, а он поставил их на стол. Это моя жизнь, невольно подумала она, наблюдая за движениями его рук, вот так мы проводим вечера.

– Я подумал, может быть, пригласим Монкриффов на ужин в пятницу? Ты не против?

– Нет, не против, – ответила она, поднося вилку ко рту.

– Прекрасно, – кивнул он. – Наши друзья все время спрашивают о тебе. Они хотят убедиться в том, что ты... пришла в себя.

– Будет очень... мило, – натянуто улыбнулась она.

– Думаю, нам еще недельку-другую не стоит никуда ходить. Пока ты окончательно не поправишься.

– Да.

– Очень вкусно. Это ты приготовила?

– Нет, миссис Кордоза.

– А, понятно...

Остаток ужина прошел в тишине. Она пила воду – мистер Харгривз отсоветовал ей пить алкоголь – и с завистью поглядывала на бокал мужа: как бы ей хотелось хоть немного отвлечься от странности всего происходящего, немного притупить ощущения...

– Как дела... на работе?

– Все в порядке, – не отрываясь от еды, ответил муж. – В ближайшие две недели надо будет съездить на шахты, но сначала я хочу убедиться, что с тобой все в порядке. Разумеется, миссис Кордоза будет тебе помогать.

– Я уверена, что со мной все будет хорошо, – заверила она его, испытав облегчение при мысли, что скоро сможет побыть одна.

– А потом съездим на пару недель на Ривьеру. У меня там дела, а тебе полезно побыть на солнце. Мистер Харгривз сказал, что это полезно для... для шрамов, – неловко закончил он.

– На Ривьеру, – повторила она, и перед ее глазами вдруг возник залитый лунным светом берег моря, донесся чей-то смех, звон бокалов. Дженнифер прикрыла глаза, пытаясь сделать расплывчатую картинку более отчетливой.

– Можем поехать вдвоем на машине, только ты и я.

Картинка исчезла, в ушах стучала кровь. Спокойно, сказала она себе, все вернется. Мистер Харгривз сказал, что все вернется.

– Тебе там всегда нравилось. Мне кажется, там ты была счастливее, чем в Лондоне, – взглянув на нее, добавил он и тут же отвел взгляд.

У Дженнифер снова возникло ощущение, что он как будто проверяет ее. Она заставила себя проглотить очередной кусочек запеканки и тихо ответила:

– Как скажешь, тебе лучше знать.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь угнетающим звоном его вилки и ножа о тарелку. Еда вдруг показалась Дженнифер совершенно несъедобной.

– О, мне кажется, я устала куда сильнее, чем думала. Ты не обидишься, если я пойду наверх? – вставая, спросила она.

– Надо было мне сказать миссис Кордозе, что мы вполне можем поужинать на кухне. Помочь тебе подняться? – вскочил на ноги он.

– Прошу не волнуйся, – отмахнулась она. – Я просто немного устала. Утром мне наверняка станет гораздо лучше.

Без четверти десять Дженнифер услышала, как он вошел в комнату. Она лежала в кровати, всем телом остро ощущая прикосновение простыней, глядя на полоску лунного света, проникавшего в комнату через щель между занавесками, прислушиваясь к отдаленному шуму машин на площади, к скрипу тормозов такси, останавливающихся на мгновение, чтобы извергнуть на улицу пассажиров, к вежливым приветствиям прохожих, вышедших с собаками на вечернюю прогулку. Она старалась не двигаться, замерев в ожидании момента, когда все встанет на свои места и она окончательно поймет, что попала в привычную обстановку.

И тут открылась дверь.

Он не стал включать свет. В темноте раздалось лишь глухое постукивание друг о друга деревянных вешалок, на одну из которых он повесил пиджак, на пол с едва слышным звуком упали снятые ботинки, и она вдруг ощутила, как все ее тело напряглось. Ее муж – этот совершенно незнакомый ей человек – собирается лечь к ней в постель. Она так сосредоточенно воспринимала все происходящее вокруг, что даже не задумалась над тем, что будет делать с наступлением ночи. В глубине души она надеялась, что он пойдет спать в соседнюю комнату.

Прикусив губу и покрепче зажмурившись, она постаралась дышать ровно и спокойно, притворяясь спящей. Он зашел в ванную, из крана зажурчала вода, он долго чистил зубы, а потом прополоскал рот. Ковер мягко зашелестел под его ногами, и вот он уже скользнул под одеяло, матрас продавился под тяжестью его тела, кровать заскрипела. С минуту он лежал неподвижно, а она изо всех сил пыталась успокоиться и дышать ровно. «Пожалуйста, только не сейчас, – мысленно взмолилась она, – я же тебя совсем не знаю!»

– Дженни? – шепнул он, дотронувшись до ее бедра, и она едва сдержалась, чтобы не дернуться. – Дженни? – повторил он, неуверенно глядя ее.

Она изобразила глубокий вздох, окончательно давая ему понять, что крепко спит и находится в полном забытьи. На мгновение его рука замерла, и он, тяжело вздохнув, откинулся на подушки.

Я хотел бы быть тем, кто спасет тебя, но это просто невозможно... После того как ты получишь это письмо, я не стану больше звонить тебе, потому что письмо может тебя расстроить, а с моей стороны было бы нечестно слушать, как ты плачешь, ведь за все полтора года я ни разу не видел, чтобы ты плакала, и вообще у меня никогда не было такой девушки, как ты.

Мужчина – женщине, в письме

Мойра Паркер с тревогой наблюдала за тем, как босс решительно прошел мимо ее стола в свой кабинет, и по его крепко сжатым челюстям тут же поняла: видимо, хорошо, что мистер Арбутнот, встреча с которым назначена на 2.30, задерживается. Предыдущая встреча прошла не очень удачно.

Быстро разгладив юбку, Мойра встала, взяла у него пальто, успевшее, пока он шел от машины к офису, покрыться каплями дождя, поставила зонтик в стойку, а затем, не торопясь, повесила пальто на крючок. Мойра работала секретаршей Лоренса Стерлинга достаточно долго, чтобы понимать, когда боссу нужно дать время побыть одному.

По утрам он всегда выпивал две чашки кофе, а после обеда – чашку чая, поэтому она четким, выверенным за годы работы движением налила чай, собрала в стопку необходимые документы, а затем постучалась в кабинет.

– Подозреваю, что мистер Арбутнот задерживается. Судя по всему, на Мэрилебон-роуд огромная пробка.

Он читал письма, которые она утром оставила на столе на подпись. Явно довольный содержанием, он достал из нагрудного кармана ручку и расписался коротким, резким росчерком. Секретарша поставила перед ним чай, положила подписанные письма к остальным бумагам и сообщила:

– Я забрала ваши авиабилеты в Южную Африку и заказала такси из аэропорта.

– Пятнадцатого?

– Да. Я принесу билеты, а вы пока можете проверить документацию. Вот показатели продаж за прошлую неделю, а в этой папке – окончательные данные по заработной плате. А еще я не знала, успеете ли вы пообедать после встречи с производителями автомобилей, поэтому взяла на себя смелость сделать вам пару сэндвичей. Надеюсь, я не слишком много себе позволила.

– Очень мило с вашей стороны, Мойра, спасибо.

– Хотите сейчас принести? К чаю?

Он кивнул и на мгновение улыбнулся ей, отчего она чуть не покраснела. Мойра прекрасно знала, что другие секретарши смеялись над ней из-за того, что она, по их мнению, проявляла излишнюю заботу о боссе, не говоря уже о ее чересчур строгой одежде и официальной манере общения. Но ее начальник любит, чтобы все делалось на совесть. Мойра всегда понимала это. Эти дурочки только и знают, что читать глупые модные журналы да сплетничать в женской раздевалке. Им невдомек, что хорошо сделанная работа приносит бесконечное удовлетворение. Они не понимают, как приятно чувствовать себя незаменимой.

Немного замешкавшись, Мойра достала из папки последнее письмо:

– Пришла дневная почта. Я решила, что вы, возможно, захотите взглянуть на это – очередное письмо о работниках из Рочдейла.

Ненадолго озарившая его лицо улыбка тут же пропала, Лоренс дважды перечитал письмо и, помрачнев, спросил:

– Кто-нибудь еще видел это письмо?

– Нет, сэр.

– Подшейте вместе с остальными! – рявкнул он, швырнув письмо на стол. – Жить спокойно не дают. За всем этим стоят профсоюзы, не желаю иметь с ними ничего общего.

Мойра безропотно выслушала его крики и уже пошла к дверям, но в последний момент обернулась:

– Позвольте поинтересоваться... как самочувствие вашей жены? Она рада наконец-то вернуться домой?

– С ней все в порядке, спасибо. Уже почти пришла в себя. Пребывание дома идет ей на пользу, – ответил он.

– Рада слышать, – нервно сглотнув, ответила секретарша, но босс уже не смотрел в ее сторону, погрузившись в изучение показателей продаж, которые она положила ему на стол.

Сдержанно улыбаясь, Мойра Паркер вышла из кабинета и, прижимая к груди папку с бумагами, твердым шагом направилась на свое рабочее место.

Это наши старые друзья, сказал он, ничего особенного. С двумя из них Дженнифер уже «познакомилась» – как-то они навестили ее в клинике, а потом, после ее возвращения, заходили к ним домой. С Ивонной Монкрифф – высокой, стройной брюнеткой слегка за тридцать – они дружили с тех пор, как Дженнифер поселилась в доме на Мидвей-сквер и они стали соседями. Ивонна говорила довольно резко и язвительно, в отличие от второй подруги, Вайолет, которую Дженнифер знала еще со школы. Вайолет терпеливо сносила бесконечные шуточки Ивонны и принимала ее язвительные замечания как должное.

Поначалу Дженнифер было нелегко поддерживать разговор об общих знакомых и событиях, которые объединяли подруг, но в их компании она чувствовала себя легко и свободно. Постепенно она училась доверять своим интуитивным реакциям на то, что ей говорили: оказалось, воспоминания могут храниться не только в памяти.

– Вот бы мне потерять память! – воскликнула Ивонна после того, как Дженнифер призналась ей, какие странные вещи творились с ней, когда она очнулась в клинике. – Я ушла бы куда глаза глядят. Во-первых, я забыла бы, что вышла замуж за Фрэнсиса.

Ивонна зашла к подруге, чтобы убедить ее в том, что все в порядке – намечается «тихий» ужин, но по мере того, как дело близилось к вечеру, Дженнифер нервничала все больше и больше.

– Не понимаю, дорогая, к чему такая паника? О твоих вечеринках ходят легенды, – заверила ее Ивонна, удобно устроившись на кровати и наблюдая за тем, как Дженнифер в спешке примеряет одно платье за другим.

– И чем же они так легендарны? – спросила та, поправляя очередное платье на груди. Похоже, что за время пребывания в клинике она немного похудела, и лиф безобразно топорщился.

– Милая, успокойся, – рассмеялась Ивонна. – От тебя совершенно ничего не требуется. Твоя потрясающая миссис Ко не заставит тебя краснеть. В доме идеальный порядок. Выглядишь ты сногшибательно. Только, будь любезна, оденься уж наконец. – Она скинула

туфли и элегантно движением забралась на кровать, вытянув длинные ноги. – Я никогда не разделяла твою любовь к светской жизни. Не пойми меня неправильно, я обожаю ходить на вечеринки, но вот устраивать их самой... нет, – замотала головой Ивонна, придирчиво разглядывая свой маникюр. – На вечеринки надо ходить, а не устраивать их самой – так говорила моя мама, и, если честно, я совершенно с ней согласна. Я с удовольствием прикуплю пару новых платьев, но готовить канапе и составлять план посадки гостей? Нет уж, увольте.

Стоя перед зеркалом, Дженнифер продолжала бороться с непослушным вырезом, поворачиваясь то влево, то вправо. Подняв руку, она взглянула на выпуклый багровый шрам и спросила:

– Как ты думаешь, может, лучше надеть платье с длинным рукавом?

– Болит? – спросила Ивонна, разглядывая шрам.

– У меня вся рука болит. Доктор прописал мне какие-то таблетки. Просто я подумала, что шрам будет...

– Бросаться в глаза? – сморщила носик Ивонна. – Думаю, тебе лучше носить платья с длинным рукавом, дорогая, пока он немного не побледнеет. К тому же сейчас прохладно.

Дженнифер слегка опешила от беспристрастного оценивающего взгляда подруги, но не обиделась. С тех пор как она вернулась домой, мало кто брал на себя смелость прямо отвечать на ее вопросы.

Она аккуратно сняла платье через низ, подошла к шкафу, порылась среди вешалок, достала платье-футляр из чистого шелка и замерла, неуверенно разглядывая его. Оно такое эффектное. После возвращения из клиники Дженнифер предпочитала неброский твид, серые и коричневые тона, но все эти яркие наряды то и дело попадались ей на глаза.

– Что-нибудь такое? – спросила она у Ивонны.

– Какое – такое?

– Я носила такие платья? – собравшись с духом, спросила Дженнифер. – Как я обычно одевалась? – уточнила она, прижимая платье к груди.

– То есть ты хочешь сказать, что и правда ничего не помнишь? – недоверчиво посмотрела на нее Ивонна, доставая из сумочки сигареты.

– Почти ничего, – призналась Дженнифер и присела на пуфик перед туалетным столиком. – Я знаю, что я знаю тебя. Что я знаю его. Я это чувствую, – объяснила она, положив руку на грудь. – Но... я многого не помню. Я не помню, как я относилась к своей жизни. Не знаю, как вести себя с другими людьми. Не знаю... Не знаю, кто я такая, – прикусив губу, закончила она. И, почувствовав, как на глаза навернулись слезы, быстро достала из ящика комода носовой платок.

После долгого молчания Ивонна встала, подошла к Дженнифер и присела рядом с ней на край пуфика:

– Хорошо, дорогая. Я введу тебя в курс дела: ты очаровательная и веселая – просто воплощение *joie de vivre*^[4]. У тебя идеальная жизнь, богатый и красивый муж, который носит тебя на руках, и гардероб, за который любая женщина готова продать душу дьяволу. Всегда идеальная прическа, осиная талия. Ты постоянно в центре внимания на любой вечеринке, и все наши мужья тайно влюблены в тебя.

– Перестань, Ивонна.

– Я не шучу. Фрэнсис тебя просто обожает. Стоит ему увидеть твою озорную улыбку и белокурые локоны, как он тут же начинает жалеть, что женился на этой долговязой

еврейской стерве. Ну а Билл...

– Билл?

– Муж Вайолет. Пока ты была не замужем, он, как болонка, ходил за тобой по пятам. Слава богу, что он до смерти боится твоего мужа, а то уже давно бы схватил тебя, перекинул через плечо и был таков.

– Ты мне льстишь, – пожурела ее Дженнифер, вытирая уголком платка слезы.

– А вот и нет. Если бы ты не была такой милой, пришлось бы от тебя избавиться. Но тебе повезло: ты мне нравишься.

Несколько минут они сидели молча, а потом Дженнифер спросила, пристально глядя на пятно на ковре:

– А почему у меня нет детей?

– Последний раз, когда мы с тобой говорили об этом, – удивленно приподняв бровь, ответила Ивонна и глубоко затянулась, – ты сказала что-то вроде того, что «муж и жена должны почаще бывать на одном континенте, если хотят завести детей». Твой муж часто в разъездах, – продолжала Ивонна, пуская идеальное кольцо дыма. – Кстати, вот еще одна причина, по которой я тебе жутко завидую. – Дженнифер смущенно хихикнула, но Ивонна не унималась: – Послушай, дорогая, все будет хорошо. Просто делай все, что говорит тебе этот ваш неприлично дорогой доктор, и перестань изводить себя. Может, через пару недель ты просто в какой-то момент воскликнешь: «Эврика!» – и все вспомнишь. Вспомнишь, как жутко храпит твой муж, какие у вас проблемы с деньгами, какой огромный у тебя долг в магазине «Харви Николс»... Наслаждайся своим неведением, вряд ли оно продлится долго.

– Наверное, ты права...

– И еще спешу тебе сообщить, что ты просто обязана надеть это розовое платье и ожерелье из кварца, которое прекрасно к нему подходит. Изумрудное никуда не годится. У тебя в нем грудь похожа на два сдувшихся шарика.

– Вот это настоящая подруга! – отозвалась Дженнифер, и женщины дружно рассмеялись.

Хлопнула входная дверь, Лоренс кинул на пол дипломат, принося с собой с улицы морозную свежесть, снял шарф, поцеловал Ивонну в щеку и извинился за опоздание:

– Встречался с бухгалтерами, эти счетоводы могут говорить о деньгах бесконечно.

– Видел бы ты их сходки, Ларри, – скучное, душераздирающее зрелище. Мы женаты уже пять лет, а я до сих пор дебет от кредита не отличу, – взглянув на часы, заявила Ивонна. – Думаю, он скоро будет. Видимо, колдует над очередной колонкой цифр.

– Ты сегодня обворожительна, Дженни, – повернувшись к жене, сказал он.

– Правда ведь, твоя жена всегда выглядит выше всех похвал.

– Да-да, так оно и есть, ты права. – Он потер подбородок. – Дамы, прошу меня извинить. Пойду приведу себя в порядок перед приходом гостей. Слышал прогноз погоды по радио – снова обещают снегопад.

– Хорошо, мы пока выпьем по коктейлю! – крикнула ему вслед Ивонна.

К приходу гостей Дженнифер успела снять стресс приличным количеством коктейля. «Все будет хорошо», – повторяла она про себя. Если она попадет в неловкую ситуацию, Ивонна подскажет, что делать. Это ведь ее друзья, и они вовсе не желают выставить ее идиоткой, они просто хотят, чтобы она сделала еще один шаг на пути к тому, чтобы прийти в себя.

– Дженни, дорогая. Спасибо за приглашение, – обняла ее Вайолет Ферклаф.

Пухлое личико подружки почти скрывала шляпка. Аккуратно отколол булавки, Вайолет сняла ее и отдала вместе с пальто Лоренсу. На ней было шелковое платье с глубоким вырезом, которое обтягивало ее пышные формы, словно наполненный воздухом парашют. Как позднее заметила Ивонна, чтобы объять талию Вайолет, потребовалась бы небольшая гвардия.

– Дженнифер, ты, как всегда, прекрасна, – поцеловал ее в щеку высокий рыжеволосый мужчина.

Дженнифер поразило, насколько супруги не подходят друг другу. Мужчину она совсем не помнила, и ей казалось почти смешным, что он оказался мужем пышки Вайолет.

– Проходи, пожалуйста, – засуетилась она, отведя от него взгляд и взяв себя в руки. – Супруг спустится через пару минут. Хочешь пока чего-нибудь выпить?

– «Супруг»? У нас сегодня официальный раут? – рассмеялся Билл.

– Ой... – смутилась Дженнифер, – мы все... мы все так давно не виделись...

– Чудовище! Будь поласковее с Дженни, – чмокнув его в щеку, приказала Ивонна. – Она еще очень ранима. Вообще-то, она имеет полное право возлежать на постели, пока вы, мужчины, соревнуетесь за право отнести ей наверх виноград, но она почему-то настояла на мартини.

– Вот за это мы и любим нашу Дженни, – широко улыбнулся Билл и с таким нескрываемым восхищением глянул на Дженнифер, что та на всякий случай отвела взгляд и посмотрела на Вайолет, чтобы проверить, не обиделась ли подруга.

Но Вайолет, похоже, поведение мужа ничуть не задевало: она усердно искала что-то в своей сумочке.

– Я оставила номер твоего телефона нашей новой няне, – сказала она, оторвавшись от сумки. – Надеюсь, ты не против: она безнадежна. Не удивлюсь, если она позвонит через пять минут и сообщит, что не может найти пижаму Фредрика или что-нибудь в этом роде.

Дженнифер заметила, как Билл картинно закатил глаза, и вдруг с испугом отметила, что этот жест ей знаком.

Вся компания в составе восьми человек наконец уселась за стол: ее муж и Фрэнсис сидели друг против друга, Ивонна, Доминик, занимавший высокий пост в военном министерстве, и Дженнифер – спиной к окну, а напротив них – Вайолет, Билл и Энн, жена Доминика, веселая барышня, задорно хохотавшая над шутками мужчин. По ее благодушному, задорному взгляду сразу было видно, что она уверена в собственной привлекательности.

Дженнифер поймала себя на том, что наблюдает за тем, как они едят, пристально анализирует и отмечает каждое брошенное вскользь замечание, пытаясь найти хоть какие-то подсказки о своей прошлой жизни. Билл, отметила она, редко смотрит на жену и никогда к ней не обращается, а Вайолет, в свою очередь, этого как будто не замечает. Интересно, подумала Дженнифер, она действительно не замечает его равнодушия или просто всеми силами скрывает свое замешательство?

А вот постоянно жалующаяся на Фрэнсиса Ивонна глаз с мужа не сводит: произнося очередное едкое замечание, она все время с вызовом смотрит на него, ожидая, как онотреагирует. С ними все понятно, решила Дженнифер. Ивонна просто не хочет показывать мужу, как много он для нее значит.

– Лучше бы я вложил деньги в производство холодильников, – говорил тем временем

Фрэнсис. – Сегодня утром в газете написали, что в этом году в Великобритании продадут миллион штук. Миллион! А пять лет назад... ну разве что сто семьдесят тысяч.

– В Америке, наверное, раз в десять больше. Я слышала, что там люди меняют холодильник дважды в год, – заметила Вайолет, накалывая на вилку кусочек рыбы. – И холодильники там огромные – раза в два больше наших, представляете?

– Да в Америке все огромное. Или им нравится, чтобы мы так думали.

– Ну да, в том числе и самомнение, судя по тем американцам, с которыми я общался, – заговорил Доминик. – Генералы-янки – самые невыносимые всезнайки на свете.

– Бедный Доминик, – рассмеялась Энн, – он совсем растерялся, когда один из них стал учить его, как правильно вести машину, да еще и его собственную.

– «Да, казармы у вас довольно маленькие. Да, машины у вас небольшие. И паек у вас – так себе», – театрално произнес Доминик. – Посмотрел бы он, какие у нас раньше были пайки. Да они себе даже не представляют.

– Дом решил подшутить над ним и заехал за ним на «моррис майнор» моей мамы. Вы бы видели лицо этого янки!

– Я сказал ему: «Обычное дело, приятель. Высокопоставленных особ мы, конечно, возим на „воксхолл велокс“ – там места для ног на три дюйма больше». Вы бы видели, ему пришлось почти пополам сложиться, чтобы залезть в машину.

– Я чуть со смеху не умерла, – добавила Энн, – Дом чудом не заработал большие неприятности.

– Как твой бизнес, Ларри? Слышал, ты через недельку-другую снова собираешься в Африку?

Дженнифер внимательно следила за тем, как муж откинулся на спинку стула.

– Дела идут хорошо, на самом деле, очень хорошо. Только что подписал сделку с одной компанией по производству автомобилей: будут производить для нас тормозные колодки, – сообщил он, кладя нож и вилку на тарелку.

– А чем конкретно ты занимаешься? Я все никак не пойму, что это за новомодный минерал...

– Вайолет, тебе-то это зачем? Тебе же неинтересно, – оборвал жену сидевший напротив Билл. – Вайолет вообще мало интересуется все, что не розового или голубого цвета или не начинается со слова «мама».

– Билл, дорогой, дело в том, что атмосфера в вашей семье не способствует развитию каких бы то ни было интересов, – парировала Ивонна, и мужчины возмущенно присвистнули.

– Вообще-то, этот минерал далеко не новый, – объяснил Лоренс Стерлинг, поворачиваясь к Вайолет. – Его использовали еще в Древнем Риме. Проходила историю Древнего Рима в школе?

– Конечно. Правда, сейчас я уже ничего не помню, – визгливо рассмеялась Вайолет.

– Так вот, – понизив голос, продолжил Лоренс, и все гости притихли, чтобы послушать его рассказ, – Плиний Старший пишет о том, как однажды на его глазах в очаг на пиру бросили кусок ткани, а через несколько минут, когда тряпку вытащили из огня, оказалось, что она совершенно не пострадала. Некоторые решили, что это колдовство, но он понял, что дело тут в другом. – Ларри достал из кармана ручку, написал что-то на салфетке и протянул Вайолет. – Вот, смотри: хризотил. Это слово происходит от греческого «chrysos», то есть «золото», и «tilos» – в переводе «волокно». Уже тогда они знали, что хризотил, или асбест,

обладает огромной ценностью. Я, точнее моя компания, просто добываю асбест и нахожу для него разные сферы применения.

– Вы тушите пожары?

– Да, – ответил он, задумчиво глядя на свои руки. – Точнее, я делаю все, чтобы предотвратить пожары.

На секунду за столом воцарилась напряженная тишина. Ларри украдкой посмотрел на Дженнифер, но тут же отвел взгляд.

– А где же большие деньги, старина? Ты же зарабатываешь не на нестгораемых скатертях?

– Автозапчасти, – немного расслабившись, ответил Ларри, и обстановка сразу стала более непринужденной. – Говорят, что через десять лет каждая семья в Англии будет иметь автомобиль. Представляете, сколько понадобится тормозных колодок? Мы также ведем переговоры с железнодорожными и авиакомпаниями. Однако белый асбест имеет крайне широкое применение: кровельное покрытие, сельскохозяйственное строительство, обшивка, изоляция – скоро он будет повсюду.

– И правда – чудо-минерал.

Когда он говорит о работе с друзьями, он ведет себя куда естественнее и проще, чем когда мы с ним наедине, подумала Дженнифер. Наверное, ему тоже пришлось нелегко: она попала в серьезную аварию и до сих пор окончательно не пришла в себя. Ей вспомнились слова Ивонны о том, какой она была раньше: потрясающая, уравновешенная, озорная. Он скучает по той женщине? Видимо, Ларри заметил, что Дженнифер наблюдает за ним, повернулся к ней и поймал ее взгляд. Она улыбнулась, и через мгновение он улыбнулся в ответ.

– Я все вижу. Ларри, перестань. Нельзя сохнуть по собственной жене! – воскликнул Билл, наполняя бокалы присутствующих.

– Он имеет полное право сохнуть по собственной жене, – запротестовал Фрэнсис. – После всего, что произошло. Дженни, как ты себя чувствуешь? Выглядишь чудесно.

– Все в порядке, спасибо.

– Я считаю, что она просто молодец: устроить званый ужин через неделю после выписки из клиники. С ума сойти!

– Если Дженни вдруг перестанет приглашать гостей, мы сразу поймем, что что-то не так. И не только с Дженни. Мир перевернется, – заявил Билл, потягивая вино.

– Жуткое дело, и не говори. Как приятно видеть, что ты пришла в себя.

– Мы страшно беспокоились. Надеюсь, тебе передали мой букет, – вставила Энн.

– Ты помнишь, как произошла авария, Дженни? – спросил Дом, кладя салфетку на стол.

– Думаю, Дженни не очень хочет вспоминать об этом, – перебил его Лоренс, вставая, чтобы достать из бара очередную бутылку вина.

– Да-да, конечно, прости, – замахал руками Доминик. – Спросил не подумав...

– Со мной все в порядке, – ответила Дженнифер, начиная убирать со стола тарелки. – Правда. Я вряд ли смогла бы что-то рассказать, даже если бы захотела... Я вообще мало что помню...

– Оно и к лучшему, – заметил Доминик.

– Что ж, дорогой Ларри, чем раньше ты начнешь производить тормозные колодки для нас, тем лучше. Тогда мы все будем в надежных руках, – дымя сигаретой, отозвалась Ивонна.

– А он будет купаться в деньгах, – рассмеялся Фрэнсис.

– Фрэнсис, дорогой. Разве обязательно сводить любой разговор к деньгам?

– Обязательно, – ответили они с Биллом в один голос.

Все дружно рассмеялись, а Дженнифер взяла грязные тарелки и понесла их на кухню.

– Кажется, все прошло хорошо, как ты думаешь? – спросил он.

Дженнифер сидела за туалетным столиком, аккуратно снимая сережки. Она увидела отражение Лоренса в зеркале, когда он вошел в спальню, на ходу развязывая галстук. Он скинул ботинки и зашел в ванную, не закрыв за собой дверь.

– Да, – ответила она, – по-моему, хорошо.

– Ужин был просто великолепный.

– Ну, это не моя заслуга, – возразила она, – скажи спасибо миссис Кордозе.

– Но меню ведь ты спланировала.

Спорить с ним было бесполезно – проще сразу согласиться. Она убрала сережки на место в шкатулку. Из ванной послышался плеск воды.

– Я рада, что тебе понравилось, – крикнула она, встала, с трудом сняла платье и, повесив его в шкаф, начала стягивать чулки.

Взявшись за второй чулок, Дженнифер заметила, что муж стоит в дверях ванной и замороженно смотрит на ее ноги.

– Сегодня вечером ты была очень красивая, – тихо сказал он.

Она растерянно заморгала, сняла второй чулок и попыталась расстегнуть корсет, ощущая внезапное напряжение. Левая рука еще не восстановилась после операции, и Дженнифер не могла завести ее за спину и дотянуться до застегки. Опустив голову, она слушала его шаги. Лоренс, в одних пижамных брюках, подошел к ней сзади, мягко отвел ее руки и помог расстегнуть корсет. Он стоял так близко, что она спиной ощущала его дыхание, пока он терпеливо расстегивал крючок за крючком.

– Ты сегодня очень красивая, – повторил он.

Она прикрыла глаза, повторяя про себя: «Это мой муж. Все говорят, что он обожает меня. Мы счастливы». Он слегка погладил ее по правому плечу, осторожно коснулся губами ее затылка, а потом прошептал:

– Ты очень устала?

Дженнифер понимала, что это ее последний шанс: он настоящий джентльмен, и если она скажет, что устала, то он оставит ее в покое. Но ведь они женаты. Женаты! И рано или поздно ей придется посмотреть правде в глаза. Кто знает, возможно, если он станет ей менее чужим, то она быстрее придет в себя и вспомнит, кто она такая на самом деле.

Дженнифер повернулась к нему и, не глядя ему в глаза, не целуя его, уткнулась ему в грудь.

– Нет... – прошептала она, – не устала, а ты?

Он прижался к ней, и она крепко зажмурилась, ожидая каких-то смутно знакомых ощущений, возможно, даже желания. Ведь они женаты уже четыре года, наверняка они занимались этим много раз. Тем более он так терпеливо вел себя после того, как она вернулась из клиники...

Его руки жадно гладили ее тело, все настойчивей и настойчивей, и вот он уже расстегнул бюстгальтер. Она не открывала глаза, осознавая свою наготу.

– Давай выключим свет. – попросила она. – Не хочу... не хочу думать о руке. О том, как она выглядит.

– Конечно, я должен был сам догадаться.

Раздался щелчок выключателя, и свет в спальне погас.

На самом деле Дженнифер волновалась совсем не из-за руки – просто она не хотела смотреть на мужа. Не хотела, чтобы он увидел ее обнаженной и уязвимой. Они очутились в постели, он целовал ее шею, жадно глядя ее грудь и тяжело дыша. Потом накрыл ее своим телом, придавив к постели, и она обняла его за шею, удивляясь тому, что, вопреки всем ожиданиям, совершенно ничего не чувствует. Что со мной случилось, подумала она, как же я делала это раньше?

– Все хорошо? – прошептал он ей на ухо. – Тебе не больно?

– Нет-нет, что ты...

Он целовал ее грудь и стонал от наслаждения, а потом потянул вниз ее трусики:

– Сними их.

Лоренс слегка приподнялся, чтобы она могла спустить трусики, а потом отбросить их в сторону. Дженнифер лежала перед ним голая и совершенно беззащитная. Она хотела было остановить его, но он уже раздвинул ей ноги и неуклюже попытался войти в нее. Она хотела сказать: «Я еще не готова», но момент был упущен – волна желания уже захлестнула его с головой, унося в водовороты страсти.

Она поморщилась, приподняла колени, стараясь не напрягаться, и он тут же очутился внутри ее, она кусала губы в темноте, стараясь не замечать боли и полного отсутствия каких-либо желаний, за исключением одного: чтобы все поскорее закончилось и он вышел из нее. Он двигался все быстрее и яростнее, навалившись на нее всем весом, прижавшись к ее плечу разгоряченной, вспотевшей щекой. Затем тихо застонал, проявив свою уязвимость, которую никогда не показывал в других ситуациях, и все закончилось: эта штука исчезла, оставив лишь липкую влагу у нее между ног.

Дженнифер прикусила губу так сильно, что ощутила во рту привкус крови.

Тяжело дыша, он перекатился с нее на кровать. В темноте раздался его голос:

– Спасибо.

Слава богу, что он не видит, как я лежу и смотрю в потолок, подумала Дженнифер, натягивая одеяло до самого подбородка, а вслух сказала:

– Не за что. Все в порядке.

Теперь она с точностью могла сказать, что воспоминания хранятся не только в памяти, но и в других местах.

*С тобою счастье нам не светит...
За это я – не ты – в ответе.*

Мужчина – женщине, в открытке

За последнее время Дон Франклин изрядно поправился, живот уже практически нависал над ремнем. Рубашка обтягивала его раздавшееся тело, а внизу, над самым ремнем, виднелся треугольник бледной кожи. Он откинулся на спинку кресла и, сняв очки, надел их на голову.

– Нужна статья о каком-то промышленнике. О’Хара, на этом настаивает редактор. Ему нужен четырехстраничный разворот, посвященный этому чудо-минералу, – на правах рекламы.

– Черт побери, Дон! Но я же ровным счетом ничего не знаю о шахтах и заводах. Побойся бога, я же зарубежный корреспондент.

– Ты был зарубежным корреспондентом, – поправил его Дон. – Мы не станем снова посылать тебя туда, Энтони, и тебе это прекрасно известно. Мне нужен человек, который умеет хорошо делать свою работу. И вообще, какие у тебя варианты? Хочешь сидеть здесь для мебели?

Энтони рухнул в кресло напротив и, вытащив сигареты, посмотрел сквозь стеклянную стену кабинета: там, за спиной выпускающего редактора, младший сотрудник редакции Фиппс в ярости выдернул из машинки три листа и с искаженным от раздражения лицом вставил новые страницы, предварительно проложив их копиркой.

– Я видел, как ты это делаешь. Пустишь в ход свое неземное обаяние, и все тут.

– То есть на самом деле это даже не биографический очерк, а раздутая заказная статья.

– Часть его бизнеса находится в Конго, ты же много чего знаешь об этой стране.

– Я много чего знаю о людях, которые владеют шахтами в Конго.

– Ну, не все так плохо, – попытался успокоить его Дон, беря у Энтони сигарету и прикуривая.

– Да что ты.

– Интервью у этого парня надо взять в его летней резиденции на юге Франции. Ривьера. Несколько дней на солнышке, пара лобстеров за счет фирмы, если повезет – увидишь саму Бриджит Бардо... Ты меня еще благодарить будешь.

– Пошли Петерсона, он обожает такие штуки.

– Петерсон занимается детоубийцей из Норвича.

– Тогда Мёрфетта – он любит светские рауты.

– Мёрфетт уехал в Гану, пишет репортажи о беспорядках в Ашанти.

– Что?! – не веря своим ушам, воскликнул Энтони. – Да он даже не сможет написать нормальный репортаж о том, как двое мальчишек подрались в телефонной будке. Какого черта он делает в Гане? Дон, – взяв себя в руки, тихо произнес Энтони, – пошли меня обратно.

– Нет.

– Даже если у меня мозги будут совсем набекрень, если я окончательно сопьюсь и меня

запрут в психушке, я все равно буду писать лучше, чем Мёрфетт, и ты это прекрасно знаешь.

– О’Хара, твоя проблема состоит в том, что ты сам своего счастья не понимаешь. От добра добра не ищут. – Дон наклонился к Энтони, понижая голос: – Перестань выпендриваться и слушай сюда. Когда ты вернулся из Африки, там, – показал наверх Дон, туда, где этажом выше находился кабинет главного редактора, – шли разговоры, не уволить ли тебя вообще. Вся эта история... Они о твоём же благе заботились, дорогой мой. Ну да бог с ними. Уж не знаю, как тебе это удалось, но ты успел обзавестись здесь кучей друзей, и некоторые из них – довольно влиятельные ребята. Они взяли на заметку то, что произошло, но тем не менее оставили тебя в штате и продолжили платить зарплату. Даже когда ты был... ну, в общем, сам знаешь где, – смутился Дон, заерзав под недрогнувшим взглядом Энтони, который на протяжении этого монолога даже бровью не повел. – Ну так вот: они не хотят, чтобы ты подвергал свою жизнь опасности. Поэтому возьми себя в руки, поезжай во Францию и радуйся, что тебе дают возможность работать, да еще и ужинать в ресторане в Монте-Карло. Кто знает, может, подцепишь себе там какую-нибудь молоденькую актриску.

Энтони молчал. Похоже, что вся эта речь не произвела на него никакого впечатления.

– То есть ты правда не хочешь этим заниматься, – подытожил Дон, затушив сигарету.

– Не хочу, Дон, и ты это прекрасно знаешь: стоит мне согласиться на такую работенку, а там и до заметок вроде «Родился-женился-скончался» недалеко.

– Господи... своенравный ты мерзавец, О’Хара, – сокрушенно вздохнул Дон, порылся в бумагах на столе и протянул Энтони отпечатанный лист. – Черт с тобой, бери: Вивьен Ли собралась на другую сторону Атлантики, хочет снять домик недалеко от театра, где работает Оливье. Судя по всему, он отказывается иметь с ней дело, в светской хронике пишут, что она не знает, в чем причина такого поведения мужа. Давай-ка узнай, собираются они разводиться или нет. И желательно хорошее описание ее нарядов.

Повисла еще одна мучительная пауза. В соседнем кабинете Фиппс выдернул из машинки очередные три страницы и, хлопнув себя по лбу, выругался. Энтони потушил сигарету и, мрачно взглянув на начальника, направился к выходу.

– Пошел собирать вещи, – бросил он через плечо.

Выбирая костюм для похода на званый ужин, Энтони думал о том, что в по-настоящему богатых людях есть нечто такое, что заставляет его задевать их: то ли непоколебимая самоуверенность – ведь они не привыкли, что им перечат, – то ли высокопарность, из-за которой все воспринимают всерьез их банальнейшие высказывания.

Поначалу Лоренс Стерлинг показался ему не таким уж антипатичным: обходительные манеры, взвешенные ответы на вопросы, довольно продвинутые взгляды на использование рабочего труда.

Однако к концу дня Энтони понял, что имеет дело с человеком, для которого вопросы контроля и власти превыше всего. Он отдает людям приказы, совершенно не интересуясь их мнением. Его абсолютно не волнует все, что происходит за пределами его круга общения. Одним словом, достаточно богатый и успешный зануда, которому не надо утруждать себя тем, чтобы произвести впечатление.

Энтони чистил пиджак, думая, зачем он вообще согласился пойти на этот ужин. В конце интервью Стерлинг неожиданно пригласил его присоединиться к ним вечером, и Энтони пришлось признаться, что в Антибе он никого не знает, планов у него нет и на большее, чем ужин в гостинице, он не рассчитывал. По дороге в гостиницу он решил, что Стерлинг

пригласил его на ужин исключительно в расчете на то, что Энтони напишет о нем лестную статью. Несмотря на то что он принял приглашение с явной неохотой, Стерлинг тут же дал своему водителю указание забрать Энтони из отеля «Кап» в 7.30.

– Сами вы наш дом не найдете, он находится в уединенном месте, довольно далеко от шоссе, – объяснил Стерлинг.

Еще бы, подумал Энтони, люди вроде Стерлинга не любят жить по соседству с обычными смертными.

Консьерж заметно оживился, увидев ожидающий у входа лимузин, ринулся к двери и, подобострастно улыбаясь, открыл ее перед Энтони. Такого сервиса в этом отеле Энтони раньше не видел, поэтому полностью проигнорировал его заискивание, поздоровался с водителем и сел рядом на переднее сиденье. Журналист заметил, что водителю это не особенно понравилось, но, с другой стороны, если бы он сел сзади, то почувствовал бы себя самозванцем.

Энтони открыл окно, и теплый средиземноморский бриз коснулся его кожи. Длинный неповоротливый автомобиль медленно полз по дорогам вдоль побережья, наполненным ароматами розмарина и тимьяна.

Задумчиво глядя на видневшиеся вдали холмы в сиреневой дымке, Энтони подумал, что настолько привык к более экзотическим африканским пейзажам, что уже и забыл, какие чудесные уголки природы существуют в Европе.

Энтони по-свойски заговорил с водителем: расспросил его об этих местах, на кого еще он работает, как живут простые люди в этой части страны. Журналист просто не мог удержаться, ведь информация – это всё. Лучшие из своих статей он написал благодаря вот таким ненавязчивым беседам с водителями и другим обслуживающим персоналом власть имущих.

– Как вам работается на мистера Стерлинга? – спросил он.

– Нормально, – настороженно взглянув на него, быстро ответил водитель, всем своим видом давая понять, что разговор на эту тему окончен.

– Рад слышать, – отозвался Энтони и, когда машина остановилась около огромной белой виллы, позаботился о том, чтобы дать водителю щедрые чаевые.

Глядя вслед заезжающему в гараж лимузину, Энтони практически позавидовал водителю. По природе своей немногословный, сейчас он предпочел бы попросту съесть сэндвич в компании водителей и сыграть с ними в карты, а не вести светскую беседу с уставшими от жизни толстосумами Ривьеры.

Особняк восемнадцатого века мало отличался от других вилл состоятельных людей – огромный и безупречный. Понятно, что для обслуживания требуется немало прислуги. Идеально ровная, посыпанная гравием дорожка с обеих сторон была выложена декоративной плиткой, на клумбах – ни единой лишней травинки, из-за закрытых расписных ставней призывно мерцал свет. Гости поднимались по широкой пологой лестнице и проходили в украшенный цветами в огромных вазах просторный холл, где уже слышались звуки голосов из столовой. Энтони медленно поднялся наверх по нагретым за день каменным ступеням.

Приглашенных, не считая его самого, оказалось семеро: Монкриффы (лондонские друзья Стерлинга – миссис Монкрифф тут же смерила Энтони оценивающим взглядом), мэр города месье Лафайет с женой и дочерью, грациозной брюнеткой с ярко покрашенными глазами и видом отчаянной проказницы, и пожилые супруги Демарсье, обитавшие на

соседней вилле. Привлекательную блондинку в стиле Грейс Келли Стерлинг представил как свою супругу. Таким женщинам обычно сказать особенно нечего, да и не нужно: мужчины всю жизнь восхищаются их красотой и этого более чем достаточно. Энтони искренне надеялся, что его посадят рядом с миссис Монкрифф – хоть она и смотрит на него с некоторым вызовом, по крайней мере, будет не так скучно.

– Значит, вы работаете в газете, мистер О’Хара? – снизошла до него пожилая француженка.

– Да, в Англии, – едва успел ответить Энтони, как появился официант с подносом с напитками. – А у вас есть что-нибудь безалкогольное? Например, содовая?

Официант молча кивнул и испарился, а француженка спросила:

– И как же она называется?

– «Нэйшн».

– «Нэйшн», – разочарованно повторила она, – никогда о такой не слышала. Знаю только «Таймс», это, кажется, лучшая газета в Великобритании?

– Некоторые так считают, – ответил Энтони, мысленно взмолившись, чтобы хотя бы еда оказалась сносной.

Рядом возник официант – на подносе стоял высокий стакан содовой со льдом. Энтони изо всех сил старался не смотреть на сверкающее в бокалах у остальных шампанское, попытался вспомнить забытый со школьных времен французский и завести разговор с дочерью мэра, которая ответила ему на безупречном английском с очаровательным французским акцентом. Нет, слишком юная, решил Энтони, заметив, как нахмурился мэр.

Когда всех наконец пригласили за стол, он с облегчением обнаружил, что его посадили рядом с Ивонной Монкрифф – обходительной и интересной дамой, которую он, к сожалению, совершенно не интересовал как мужчина. «Черт бы побрал всех этих счастливых женушек!» По левую руку от него сидела Дженнифер Стерлинг, но она, казалось, была поглощена беседой с соседом.

– Вы часто бываете в этих краях, мистер О’Хара? – поинтересовался Фрэнсис Монкрифф, высокий, сухопарый мужчина, вполне под стать своей жене.

– Нет.

– Значит, больше занимаетесь тем, что происходит в деловом центре Лондона?

– Нет, я этим вообще не занимаюсь.

– Так вы не пишете о финансах?

– Я зарубежный корреспондент, работаю в горячих точках за границей.

– А Ларри занимается созданием этих горячих точек, – рассмеялся Монкрифф. – По чем конкретно вы пишете?

– Ну, о многом: войны, голод, эпидемии – в общем, о всяких прелестях жизни...

– Не вижу в этом ничего прелестного, – потягивая вино, вмешалась в разговор пожилая француженка.

– В прошлом году я освещал кризис в Конго, – проигнорировав ее реплику, добавил Энтони.

– От этого Лумумбы одни неприятности, – заговорил Стерлинг, – а бельгийцы – просто безмозглые трусы, если думают, что он сможет справиться с ситуацией.

– Полагаете, африканцам нельзя доверять самостоятельно управлять собственной страной?

– Еще недавно Лумумба был всего лишь босоногим почтальоном из джунглей. Во всем

Конго нет ни одного цветного, имеющего профессиональное образование, – дымя сигарой, парировал Стерлинг. – И как же они собираются руководить банками и больницами, если бельгийцы покинут их территорию? Страна просто превратится в зону военных действий. Мои шахты находятся на границе Родезии и Конго, и мне уже пришлось нанять в службу безопасности новых людей из Родезии, конголезцам теперь нельзя доверять.

Повисла напряженная пауза. У Энтони слегка задергался глаз, он крепко сжал зубы, сдерживаясь из последних сил. Стерлинг стряхнул пепел с сигары, а потом спросил:

– И где же вы бывали в Конго, мистер О’Хара?

– В основном в Леопольдвиле^[5] и Браззавиле.

– Тогда вы прекрасно знаете, что армия Конго совершенно неуправляема.

– Я знаю, что борьба за независимость – сложный период для любой страны и что если бы генерал-лейтенант Янссенс повел бы себя чуть более дипломатично, то можно было бы спасти множество жизней.

– Ясно, – отозвался Стерлинг, оценивающе взглянув на Энтони сквозь клубы сигарного дыма, – значит, вы стали адептом культа Лумумбы. очередной наивный либерал? – холодно улыбнувшись, спросил он.

– Вряд ли жизнь простых африканцев может стать еще тяжелее...

– Значит, в этом мы с вами расходимся, – отрезал Стерлинг. – Я считаю, что свобода – крайне опасный подарок для этих людей.

В столовой повисла мертвая тишина. Издалека доносился рев мотоцикла, взбравшегося по склону холма. Мадам Лафайет нервно поправила прическу.

– Мне, к сожалению, об этом ничего не известно, – нарушила молчание Дженнифер Стерлинг, аккуратно разглаживая салфетку на коленях.

– Слишком мрачная тема для разговора, – поддержала ее Ивонна Монкрифф. – Иногда меня просто тошнит от того, что я читаю в утренних газетах. Фрэнсис читает спортивные и деловые новости, а мне вполне хватает журналов. Мы мало интересуемся политикой.

– Моя жена вообще не считает какое-либо событие достойным внимания, если о нем не написали в «Вог», – рассмеялся Монкрифф, и гости немного расслабились.

Завязалась непринужденная беседа, официанты то и дело наполняли бокалы.

Мужчины обсуждали фондовый рынок и недвижимость на Ривьере. Пожилая пара жаловалась на безумный наплыв туристов, которые мало того что мешают развернуть более масштабное строительство, так еще и имеют наглость вступать в Британский клуб любителей бриджа.

– По-моему, нет основания для беспокойства, – заверил их Монкрифф. – В этом году бунгало в Монте-Карло стоят пятьдесят фунтов в неделю, так что не думаю, что у лагерей вроде Батлина^[6] найдутся такие средства.

– Я слышал, что Элса Максвелл предлагает покрыть гальку пенорезиной, чтобы по ней было приятнее ходить.

– Боже, какие же здесь у людей серьезные проблемы, – пробормотал себе под нос Энтони.

Он с радостью ушел бы, но сейчас это будет выглядеть крайне неприличным с его стороны. Энтони казалось, что все эти разговоры где-то очень далеко от него, как будто он вдруг оказался в параллельной вселенной. Как они могут спокойно рассуждать об ужасах, творящихся в Африке, в прямом смысле живя за счет людей, которые страдают там в этот самый момент? После недолгого колебания Энтони подозвал официанта и попросил, чтобы

тот налил ему вина. Никто из гостей не обратил на это внимания. Принесли вторую перемену блюд – свежие морепродукты.

– Так значит, вы напишете что-нибудь замечательное о моем муже? – спросила Дженнифер Стерлинг, покосившись на его манжеты.

– Не знаю, – нервно поправив на коленях салфетку, ответил Энтони. – А должен? Он и правда замечательный?

– По выражению нашего дорогого друга мистера Монкриффа, Лоренс – луч света в темном царстве коммерции. Его фабрики построены по высшему стандарту, оборот возрастает с каждым годом.

– А я вас не об этом спрашиваю.

– Да? А о чем?

– Я спросил вас, замечательный ли он, – уточнил Энтони, понимая, что ведет себя не слишком тактично, но алкоголь уже раззадорил его.

– Не думаю, что вам следует задавать такие вопросы, мистер О’Хара. Жена вряд ли сможет дать вам беспристрастный ответ.

– О, я по опыту знаю, что более беспристрастных и жестоких ответов не добьешься ни от кого, кроме жен.

– Неужели? Продолжайте, очень занимательно.

– Ну, кто еще уже через несколько недель после замужества узнает обо всех недостатках мужчины, а значит, может рассказать обо всех его уязвимых местах? Что и делает – регулярно, с завидной настойчивостью и ужасающей точностью.

– Ваша жена, похоже, бессердечная женщина. Мне нравится, как вы о ней рассказываете.

– Моя жена – воистину мудрая женщина, – парировал Энтони, наблюдая за тем, как Дженнифер расправляется с очередной креветкой.

– Правда?

– Чистая правда. Она проявила достаточно мудрости и ушла от меня много лет назад.

Дженнифер протянула ему соус, он не взял, тогда она сама положила ему на край тарелки немного майонеза и спросила:

– Как это понимать, мистер О’Хара? Вы оказались не таким уж замечательным?

– Не таким уж замечательным мужем? Полагаю, вы правы. Во всех остальных отношениях я, разумеется, само совершенство. Пожалуйста, называйте меня просто Энтони, – ответил он, копируя принятую в этих кругах высокомерную манеру общения.

– Что ж, Энтони, тогда я думаю, что у вас с моим мужем много общего. Думаю, он о себе примерно такого же мнения, – произнесла Дженнифер, выразительно взглянув на Стерлинга, потом повернулась обратно к Энтони и посмотрела на него долгим взглядом, вполне достаточным для того, чтобы журналист понял, что ошибался в ней, принимая ее за скучную, поверхностную барышню.

Вскоре принесли горячее – говяжий рулет, запеченный с грибами в сливках, а Энтони тем временем узнал, что Дженнифер Стерлинг, урожденная Верриндер, замужем уже четыре года.

Практически всю жизнь прожила в Лондоне, а вот муж часто ездит по делам на шахты. Зимой, часть лета и праздники они проводят на Ривьере, так как светская жизнь Лондона им порядком наскучила. Здесь все знают друг друга, сообщила она, пристально разглядывая сидящую напротив жену мэра. Кому захочется постоянно жить в аквариуме, где плавают

исключительно золотые рыбки?

Все, что Дженнифер Стерлинг сказала ему, характеризовало ее как очередную пресытившуюся светскими развлечениями жену богатого человека. Однако Энтони заметил в ней и нечто иное: Дженнифер Стерлинг была слишком одинока и слишком умна для своего положения в обществе и, судя по всему, еще не понимала, к чему это может привести через пару лет. Пока что лишь едва заметная печаль, сквозившая в ее взгляде, выдавала в ней человека мыслящего. Эта женщина оказалась заложницей бесконечного и бессмысленного водоворота светской жизни.

Детей у них не было, на его вопрос почему, Дженнифер ответила: «Говорят, супругам нужно хотя бы какое-то время провести в одной стране, чтобы завести детей». Услышав это, Энтони сперва подумал, не заигрывает ли она с ним, однако по ее простодушному взгляду понял, что эта ситуация ее скорее забавляет, чем расстраивает.

– А у вас есть дети, Энтони? – поинтересовалась она.

– Ммм... Похоже, один все-таки есть. Живет с моей бывшей женой, которая готова на все, что угодно, лишь бы я не сбил сына с пути истинного, – непроизвольно ответил Энтони и сразу понял, что прилично набрался. В трезвом виде он никогда не стал бы упоминать о существовании Филлипа.

Она улыбнулась, но так серьезно посмотрела на него, как будто пыталась решить, стоит ей посочувствовать ему или нет. О нет, только не это, безмолвно взмолился он, налил себе еще вина, чтобы скрыть смущение, и добавил:

– Ничего страшного... Он...

– А как вы обычно сбиваете людей с пути истинного, мистер О'Хара? – спросила дочь мэра Мариетта, сидящая напротив него.

– Подозреваю, мадемуазель, что, вообще-то, меня самого довольно легко сбить с пути истинного. Если бы я не принял решение написать крайне положительную статью о мистере Стерлинге, то, полагаю, после такого роскошного ужина в такой компании мне ничего другого уже не осталось бы. А вас как сбить с пути истинного, миссис Монкрифф? – обратился Энтони к Ивонне, считая ее наиболее безобидной собеседницей из всех присутствующих.

– О, проще простого. Только вот что-то никто не пытается, – ответила она.

– Чушь! – ласково перебил ее муж. – Вспомни, сколько месяцев я потратил, чтобы совратить тебя?

– Тебе пришлось дорого заплатить за меня, милый. В отличие от мистера О'Хара у тебя нет ни внешности, ни обаяния, – парировала Ивонна, посылая мужу воздушный поцелуй. – Если кого и невозможно совратить, так это Дженни. Она же просто само совершенство, настоящий ангел во плоти, не правда ли?

– Неподкупных душ в этом мире не существует – это вопрос цены, – возразил Монкрифф, – и наша милая Дженни не исключение.

– Ты абсолютно прав, Фрэнсис. Вот месье Лафайет – истинный образчик неподкупности, – криво усмехнувшись, ответила Дженнифер, похоже выпившая чуть больше шампанского, чем нужно. – Среди французских политиков вообще не существует такого понятия, как коррупция...

– Дорогая, я не уверен, что ты обладаешь достаточными знаниями, чтобы обсуждать французскую политику, – оборвал ее Лоренс Стерлинг.

– Я просто хотела сказать... – начала Дженнифер, слегка покраснев, что не укрылось от

наблюдательного взгляда Энтони.

– Значит, не говори, – закончил за нее фразу муж.

Она заморгала и уставилась в свою тарелку, разговоры резко оборвались, гости неловко переглянулись. Месье Лафайет поставил на стол бокал и, повернувшись к Дженнифер, учтиво произнес:

– Думаю, вы совершенно правы, мадам. Однако я с удовольствием расскажу вам, что за бесчестный негодяй будет моим соперником на грядущих выборах... Конечно же, если вы достаточно хорошо заплатите мне за эти сведения.

Все с облегчением рассмеялись. Энтони почувствовал, что Мариетта словно невзначай коснулась под столом его ноги. Сидящая рядом с ним Дженнифер тихо давала официантам указания начинать убирать со стола. Супруги Монкрифф оживленно болтали через оказавшегося между ними месье Демарсье.

«Господи, что я здесь делаю? Это не моя жизнь». Лоренс Стерлинг разговаривал с соседом слева и понимающе кивал. Вот дурак, подумал Энтони, прекрасно зная, что в данной ситуации дураком скорее выглядит он сам: жена ушла, карьера близится к закату, состояния так и не заработал...

Воспоминание о сыне, сочувствие во взгляде Дженнифер Стерлинг и выпитый алкоголь вконец испортили ему настроение. Остается лишь одно, решил Энтони и снова подозвал официанта.

Супруги Демарсье ушли сразу после одиннадцати, за ними вскоре последовали Лафайеты – утром будет важное совещание, объяснил мэр, добавив: «Мы, французы, приходим на работу раньше вас, англичан», затем пожал руки всем гостям, допивавшим кофе с бренди на просторной террасе, и на прощание сказал Энтони:

– С нетерпением буду ждать публикации вашей статьи, месье О’Хара, рад знакомству.

– Ну что вы, это я польщен встречей, – нетвердо держась на ногах, заявил Энтони. – Вы открыли мне удивительный мир муниципальной политики.

Энтони был сильно пьян, и эти слова вырвались у него совершенно непроизвольно. Он нервно заморгал, осознав, что фраза может быть воспринята двояко. Энтони вообще с трудом мог припомнить, о чем шла речь в последние несколько часов. Мэр глянул ему в глаза, затем убрал руку и отвернулся.

– Папа, я бы еще осталась, если ты не против. Уверена, что кто-нибудь из этих милых джентльменов не откажется проводить меня домой, – сказала отцу Мариетта, многозначительно посмотрев на Энтони, который яростно закивал в ответ.

– Хотя еще неизвестно, – добавил он, – кого из нас надо будет провожать, мадемуазель, я не имею ни малейшего представления, где нахожусь.

– Я прослежу, чтобы Мариетта добралась домой в целостности и сохранности, – вмешалась Дженнифер, целуя на прощание Лафайетов. – Спасибо, что пришли, – поблагодарила она, а потом добавила несколько слов по-французски, но Энтони не смог их разобрать.

К вечеру на Ривьеру опустилась приятная прохлада, но Энтони этого даже не заметил. Он прислушивался к плеску волн где-то внизу, звону бокалов, обрывкам разговоров Стерлинга и Монкриффа, которые обсуждали фондовые рынки и перспективы инвестиций в иностранные предприятия, но все это его мало волновало. Он был полностью поглощен великолепным коньяком, который кто-то налил ему в рюмку. Ему было не привыкать чувствовать себя чужим в незнакомой стране, погружаясь в ставшее привычным одиночество,

но сегодня вечером он почему-то был несдержан и раздражителен.

Он взглянул на трех женщин – двух брюнеток и блондинку. Дженнифер Стерлинг протягивала им руку, – наверное, демонстрировала новое кольцо. Брюнетки шептались, время от времени раздавались сдавленные смешки. Мариетта то и дело бросала взгляды в его сторону и улыбалась. Что они там задумали? Будь осторожен, Энтони, сказал он самому себе, ей всего семнадцать, слишком молоденькая.

Стрекотали сверчки, смеялись женщины, из дома доносился приглушенный джаз. Энтони на мгновение прикрыл глаза, а потом взглянул на часы – целый час промелькнул совершенно незаметно. Ему уже давно пора и честь знать. Да-да, надо срочно распрощаться с хозяевами и идти домой.

– Думаю, мне пора возвращаться в отель, – сказал он мужчинам, с трудом поднимаясь с кресла.

– Мой водитель отвезет вас, – предложил Лоренс Стерлинг, не вынимая изо рта огромную сигару, и повернулся к дому.

– Нет-нет, не стоит, – запротестовал Энтони. – Мне полезно прогуляться. Благодарю за... за интересный вечер.

– Позвоните мне в офис завтра утром, если вам будет нужна дополнительная информация. Я буду там до обеда, а потом улетаю в Африку. Возможно, вы хотите побывать на моих шахтах? Африка всегда будет рада встретить нас...

– В другой раз, – отказался Энтони.

Стерлинг отрывисто и уверенно пожал ему руку, Монкрифф последовал его примеру, а затем молча отсалютовал.

Энтони пошел по тропинке, освещенной установленными в клумбах фонариками. Где-то далеко в ночном море мерцали огни кораблей.

Ветер донес с террасы отзвуки приглушенных голосов:

– Интересный парень, – сказал Монкрифф, но по тону было ясно, что он, мягко говоря, придерживается иного мнения.

– Вот самодовольный хлыщ! – пробормотал себе под нос Энтони.

– Мистер О’Хара? Можно мне с вами?

Слегка покачиваясь, Энтони обернулся и увидел Мариетту. Она стояла перед ним в накинутом на плечи кардигане, сжимая в руках сумочку.

– Я знаю, как дойти до города. Есть горная тропинка, можем пройти по ней. Мне почему-то кажется, что один вы обязательно заблудитесь, – заявила девушка, беря едва держащегося на ногах журналиста под руку. – Нам повезло, что сегодня чистое небо. В свете луны хотя бы будем видеть, куда идем.

Сначала они шли молча.

Прислушиваясь к шуршанию песка под ногами, Энтони зацепился за невысокий лавандовый куст и тихонько вздохнул. Несмотря на чудесную погоду и очаровательную спутницу, ему вдруг стало отчаянно тоскливо. Он и сам плохо понимал отчего.

– А вы не очень-то разговорчивы, мистер О’Хара. Вы там еще не заснули? – спросила Мариетта под доносящийся со стороны виллы смех.

– Скажите, а вам нравятся такие вечера? – ответил вопросом на вопрос журналист.

– Милый дом, – пожала плечами она.

– Милый дом. Это и есть ваш критерий того, насколько удачно вы провели вечер, мадемуазель?

– Мариетта, – слегка приподняв бровь, но не обращая внимания на его резкий тон, поправила она. – Пожалуйста, называйте меня просто Мариетта. То есть вы хотите сказать, что вам вечер не понравился?

– После общения с такими людьми, – провозгласил он, вполне отдавая себе отчет, что выпил и ведет себя агрессивно, – мне хочется засунуть револьвер в рот и нажать на курок. – Мариетта хихикнула, и, заручившись ее негласной поддержкой, Энтони продолжил развивать тему: – Мужчины говорят только о том, у кого что есть. Женщины не видят ничего, кроме своих украшений. У них есть деньги, есть возможность делать что угодно или поехать куда угодно, но никто из них и носа не высунет за пределы своего ограниченного мирка. – Энтони снова споткнулся, но Мариетта успела поддержать его под локоть. – Я бы с большим удовольствием провел вечер с попрошайками, которые ошиваются около отеля «Кап». Если, конечно, типы вроде Стерлинга еще не привели все в порядок и не вывезли неудобных лиц в какое-нибудь менее бросающееся в глаза место.

– А я-то думала, вам понравилась мадам Стерлинг, – упрекнула его девушка. – В нее влюблена половина мужского населения Ривьеры... судя по всему.

– Маленькая избалованная тай-тай. Таких полно в любом городе, мадемуа... простите, Мариетта. Красива, словно кукла, и ни одной оригинальной мысли в голове, – увлекшись собственным красноречием, продолжал он, но вдруг заметил, что девушка остановилась.

Почувствовав, что тут что-то не так, Энтони обернулся и с ужасом увидел на тропинке в двух шагах от него Дженнифер Стерлинг.

Она сжимала в руках его льняной пиджак, светлые волосы серебрились в лунном свете.

– Вы забыли, – процедила она сквозь зубы, глаза сердито сверкали в голубоватом свете луны.

Энтони шагнул вперед и забрал у нее пиджак, и тут Дженнифер повысила голос:

– Прошу простить нас, мистер О’Хара, что мы так вас разочаровали. Простите нас за то, что наш образ жизни столь оскорбляет ваши нежные чувства. Видимо, для того, чтобы заслужить ваше одобрение, надо иметь черную кожу и жить в абсолютной нищете.

– Господи! – встревоженно воскликнул он. – Простите! Простите, ради бога. Я выпил лишнего.

– Это точно. В любом случае, я нижайше прошу вас не нападать на Лоренса в прессе, каким бы ни было ваше личное мнение по поводу меня и моей избалованной натуры, – отчеканила она и, развернувшись, пошла к дому.

Энтони поморщился и беззвучно выругался, и тут ветер донес до него ее последние, брошенные через плечо слова:

– Возможно, в следующий раз вы дважды подумаете, прежде чем соглашаться провести вечер в компании таких зануд, и поймете, что можно просто вежливо отказаться.

Ты не позволяла мне взять тебя за руку, не позволяла даже дотронуться до твоего мизинца, персик мой нежный.

Мужчина – женщине, в письме

– Мадам, я не помешаю вам, если начну пылесосить? – донеслось из коридора, и Дженнифер, услышав шаги экономки, села на пятки. – О! Все ваши вещи... – опешила миссис Кордоза, застыв на пороге с пылесосом в руках. – Не знала, что вы решили привести в порядок комнату. Позвольте вам помочь?

– Нет, спасибо, миссис Кордоза, – ответила Дженнифер, вытирая лоб и окидывая взглядом содержимое шкафа, равномерно разбросанное по всей спальне. – Занимайтесь своими делами, я просто разбираю вещи, чтобы самой знать, где что лежит.

– Как скажете, – нерешительно ответила экономка, не двигаясь с места. – Я закончу, а потом пойду по магазинам. В холодильнике есть мясная нарезка. Вы сказали, что не хотите плотно обедать.

– Да-да, этого вполне достаточно, спасибо.

Вскоре в коридоре загудел пылесос, и Дженнифер снова осталась одна. Выпрямившись, она открыла очередную обувную коробку. С помощью миссис Кордозы Дженнифер уже несколько дней в самый разгар зимы занималась весенней уборкой: доставала все с полок и из ящиков, рассматривала, перекладывала, наводила чистоту и порядок с внушающей ужас скоростью и тщательностью, запоминала, как выглядят ее вещи, – одним словом, пыталась показать дому, который упорно отказывался признавать ее, кто здесь хозяйка.

Генеральную уборку Дженнифер поначалу затеяла ради развлечения, чтобы хоть немного отвлечься от грустных мыслей о том, что она обречена играть роль, которую ей отвели. Однако со временем это занятие привязало ее к дому, помогло лучше понять, какой она была раньше и как жила. Она обнаружила письма, фотографии и детский альбом – с одной из фотографий на нее хмуро смотрела маленькая девочка с хвостиком, которая сидела на упитанном белом пони. Разглядывая старательно исписанные школьные тетради и легкомысленные, шуточные письма, Дженнифер с облегчением поняла, что многое ей действительно кажется знакомым. Как далеко была эта избалованная, всеми обожаемая и, наверное, даже испорченная девочка от женщины, в теле которой она теперь оказалась...

Она узнала о своей жизни практически все, что только возможно, но чувство потерянности, ощущение чужой жизни не исчезало. Вчера вечером после двух мартини она пожаловалась на это Ивонне.

– Дорогая, такое со всеми бывает, – ласково погладила ее по плечу подруга. – Ты себе не представляешь, сколько раз я просыпалась, смотрела на храпящего мужа, от которого так и разило перегаром, – в общем, само очарование! – и думала: «Боже мой, как я могла до такого докатиться?»

Дженнифер заставила себя улыбнуться. Ее, как всегда, никто не слушает, и остается лишь смириться с этим. На следующий день после ужина, встревоженная и расстроенная, она поехала в клинику, чтобы поговорить с мистером Харгривзом. Тот сразу же принял ее, хотя Дженнифер сочла это скорее знаком внимания к жене особо состоятельного клиента, чем профессиональным отношением к работе. Доктор сказал ей примерно то же самое, что

Ивонна, однако не так образно.

– Травма головы может по-разному повлиять на человека, – сообщил он, затушив сигарету. – Одним сложно сосредоточиться, другие начинают рыдать в неподобающих ситуациях, третьи длительное время испытывают приступы агрессии. Я лечил нескольких джентльменов, которые после таких травм вдруг стали проявлять склонность к насилию. Депрессия – довольно распространенная реакция на то, что с вами произошло.

– Мистер Харгривз, но дело не только в депрессии. Я действительно надеялась... надеялась, что со временем приду в себя.

– А вы хотите сказать, что не пришли?

– Все как-то не так. Не так, как должно быть. Временами, – неуверенно улыбнулась Дженнифер, – мне кажется, что я схожу с ума.

– Послушайте меня, дорогая, – кивая, словно он слышал подобные излияния тысячи раз, заговорил доктор, – время – лучший лекарь. Я знаю, что это избитая фраза, но тем не менее это правда. Не старайтесь добиться какого-то особенного, правильного самоощущения. Что касается черепно-мозговых травм, каждый случай совершенно уникален. Вы можете чувствовать себя странно – «как-то не так», по вашим словам, – еще довольно долго. Давайте-ка я пропишу вам таблетки, от которых вам станет лучше. Главное – поменьше думать, – заверил ее он, второпях выписывая рецепт.

Дженнифер терпеливо выслушала его, забрала рецепт и вышла из кабинета. «Главное – поменьше думать».

Вернувшись домой, она принялась наводить порядок в доме и разбирать вещи. У нее была целая гардеробная, заваленная одеждой. В шкатулке из орехового дерева лежало четыре золотых кольца с драгоценными камнями, а в другой шкатулке, побольше, – прочая бижутерия. У Дженнифер в наличии имелось двенадцать шляпок, девять пар перчаток и восемнадцать пар обуви, отметила она про себя, убирая последнюю коробку. На торце каждой коробки она написала: «Низкий каблук», «Бордовые вечерние», «Зеленый шелк». Она подержала в руках все туфли, пытаясь вспомнить, когда надевала их. Пару раз в ее сознании на мгновение появлялась расплывчатая картинка: ее собственные ноги, обутые в туфли из зеленого шелка, она выходит из такси, возможно, по дороге в театр, – но все эти картинки были раздражающе эфемерными и исчезали, прежде чем она успевала разглядеть их.

«Главное – поменьше думать».

Ту книжку она заметила случайно, убирая последнюю пару туфель в коробку. Под слоем оберточной бумаги оказался исторический любовный роман в дешевом издании. Она взглянула на обложку и удивилась, что, в отличие от книг, попадавших ей на глаза раньше, совершенно не помнит сюжет.

Возможно, я купила его, а потом передумала и не стала читать, решила Дженнифер, пробежав взглядом по первым страницам, – кажется, вещь довольно-таки мрачная. Полистаю сегодня перед сном, а если не понравится – отдам миссис Кордозе. Дженнифер положила книгу на тумбочку и отряхнула пыль с юбки. Сейчас надо заняться более насущными проблемами: например, убрать весь этот развал и в конце концов решить, что надеть сегодня вечером.

С дневной почтой в офис пришли два письма. Как будто под копирку написаны, подумала Мойра, прочитав их: одни и те же симптомы, одни и те же жалобы от рабочих

одной и той же фабрики, где они оба начали работать около двадцати лет назад. Возможно, начальник прав и все это происки профсоюзов, однако, если раньше такие письма приходили крайне редко, то теперь шли одно за другим.

Оторвавшись от чтения, она увидела, что мистер Стерлинг вернулся с обеденного перерыва. Что же ему сказать? На прощание он пожал руку мистеру Велфорду, и по их довольным улыбкам Мойра поняла, что встреча прошла удачно. Недолго думая, она убрала письма в верхний ящик стола. Положу их к остальным, решила она, зачем его расстраивать? К тому же она и так прекрасно знала, какова будет его реакция.

Босс проводил мистера Велфорда из конференц-зала до самого лифта. Глядя на него, Мойра вспомнила, что он сказал ей утром. Кроме них, в офисе еще никого не было. Остальные секретарши приходили не раньше девяти, а вот Мойра, в отличие от них, всегда являлась за час до начала рабочего дня, включала кофеварку, рассортировывала необходимые документы, проверяла поступившие за ночь телеграммы – словом, делала все, чтобы к приходу мистера Стерлинга все уже было налажено. Во-первых, это ее работа, а во-вторых, ей нравилось завтракать на работе – здесь она чувствовала себя не так одиноко, как дома, особенно после смерти мамы.

Стерлинг привстал и слегка поднял одну руку, жестом приглашая ее зайти в кабинет, прекрасно зная, что она заметит. Мойра всегда вполглаза следила за ним на случай, если ему что-то вдруг понадобится. Она разгладила юбку и быстро вошла в кабинет, ожидая, что он продиктует ей очередное письмо или попросит принести какой-нибудь бухгалтерский отчет, но он вдруг встал и тихо прикрыл дверь за ее спиной. Мойра изо всех сил старалась не выдать волнения – за все пять лет он впервые захотел поговорить с ней при закрытых дверях. Она нервно поправила прическу.

– Мойра, насчет того дела, о котором мы с вами говорили несколько недель назад... Помните? – тихо произнес мистер Стерлинг, подходя к ней вплотную.

Она уставилась на него, оцепенев от его близости, от неожиданного поворота событий, и непонимающе покачала головой – с ужасно глупым видом, как говорила она себе впоследствии.

– Дело, о котором мы говорили, – нетерпеливо повторил он, – после того, как моя жена попала в аварию. Я просто хотел уточнить... Вы уверены, что ничего не приходило?

– Ах да, да-да, конечно, – затараторила Мойра, нервно теребя воротничок блузки. – Нет, сэр, что вы, сэр. Я сходила туда дважды, как вы просили, – нет, ничего не приходило. Вообще ничего, – помедлив, добавила она, – я уверена.

Он с облегчением кивнул, а потом, против обыкновения, ласково улыбнулся ей и сказал:

– Спасибо, Мойра. Вы же знаете, насколько высоко я ценю вас, правда? – Мойра слегка покраснела от неожиданной похвалы, а он подошел к двери и, открыв ее, добавил: – Умение хранить тайны – одно из ваших самых главных достоинств.

– Я... Вы всегда можете на меня положиться, сэр, – запинаясь, ответила она. – Вы же знаете.

– Что с тобой стряслось, Мойра? – спросила ее одна из машинисток, столкнувшись с ней после этого в дамской комнате, и тут Мойра поняла, что напевает себе под нос какую-то песенку. – Ты выглядишь как кошка, которой дали сметаны! – воскликнула она, подкрашивая губы и нанося немного духов на запястья. – Неужели Марио из почтового отдела наконец-то пал к ногам нашей красотки? – спросила машинистка, и из кабинки донесся язвительный женский смех.

– Если бы ты внимательно относилась к работе, а не к глупым сплетням, Филлис, то, возможно, не засиделась бы в младших машинистках! – бросила ей в ответ Мойра.

Как только она закрыла за собой дверь, из туалета донесся взрыв хохота, но в тот день даже это не испортило ей настроения.

Площадь была украшена рождественскими гирляндами: белые лампочки конусообразной формы висели между фонарными столбами в викторианском стиле и на деревьях в скверах и парках.

– С каждым годом все раньше и раньше, – заметила миссис Кордоза, поворачиваясь от панорамного окна в гостиной к вошедшей в комнату Дженнифер и задергивая шторы. – А ведь еще даже не декабрь.

– Зато как красиво, – надевая сережки, возразила Дженнифер. – Миссис Кордоза, если вас не затруднит, застегните мне, пожалуйста, пуговицу сзади – мне самой не достать.

Рука постепенно заживала, но подвижность еще не восстановилась настолько, чтобы Дженнифер могла одеться без посторонней помощи. Пожилая экономка взялась за края воротничка, застегнула его на обтянутую синим шелком пуговицу, сделала шаг назад и посмотрела на Дженнифер:

– Это платье всегда очень вам шло.

Дженнифер уже привыкла к тому, что в такие моменты едва успевала сдержаться, чтобы не спросить: «Правда? А я его уже когда-то надевала?» Она научилась виртуозно скрывать свои чувства, убедив всех окружающих в том, что прекрасно осознает свое место в их жизни. Немного подумав, она сказала:

– Что-то не помню, когда я надевала его в последний раз...

– На ваш день рождения, мадам. Вы ходили ужинать в какой-то ресторан в Челси.

– Да-да, – быстро ответила Дженнифер, пытаясь скрыть разочарование оттого, что вспомнить об этом ей не удалось, – прекрасный был вечер...

– Сегодня какой-то особенный случай, мадам?

Дженнифер посмотрела на свое отражение в висящем над камином зеркале – белокурые волосы ниспадали на плечи мягкими локонами, глаза были искусно подведены тщательно растушеванным карандашом – и ответила:

– Нет, не думаю. Монкриффы пригласили нас поужинать и потанцевать – все те же, там же...

– Если вы не против, я задержусь еще на час – накрахмалю простыни.

– Ведь мы же оплачиваем вам сверхурочную работу? – недолго думая, спросила Дженнифер.

– О да! Вы с мужем всегда очень щедры.

Лоренс – Дженнифер никак не могла приучить себя называть его Ларри, как все остальные, – сказал, что не сможет освободиться с работы пораньше, поэтому она предложила заехать за ним в офис на такси. Он не пришел в восторг от этой идеи, но она настояла на своем. В последние пару недель она старалась почаще выходить из дома, чтобы показать ему свою самостоятельность. Дважды ходила по магазинам: в первый раз с миссис Кордозой, во второй – самостоятельно. В одиночестве Дженнифер неторопливо гуляла по Кенсингтон-хай-стрит, пытаясь справиться с обрушившимся на нее потоком незнакомых лиц, звуков и ощущений. Пару дней назад она зашла в универмаг и купила совершенно ненужный плащ – не то чтобы он ей сильно понравился, просто хотелось вернуться домой с ощущением

достигнутой цели.

– Мадам, вам помочь одеться? – спросила экономка, держа за плечики синее парчовое пальто.

Дженнифер осторожно просунула руки в рукава. Шелковая подкладка приятно касалась тела, смягчая тяжесть парчи. Поправляя воротник, она повернулась к женщине и спросила:

– А что вы делаете по вечерам? Когда уходите отсюда?

– Что я делаю по вечерам?.. – растерянно заморгала экономка.

– Куда вы идете отсюда?

– Домой.

– К вашей... семье? – спросила Дженнифер, думая о том, что проводит с этой женщиной столько времени и совершенно ничего о ней не знает.

– Моя семья в Южной Африке, мадам, – две взрослые дочери, два внука.

– Ах да, ну конечно. Простите, память все еще подводит меня. Не помню, чтобы вы когда-нибудь упоминали своего мужа.

– Его не стало восемь лет назад, мадам, – ответила миссис Кордоза, глядя в пол. – Он был управляющим на шахте в Трансваале, – добавила она, заметив, что Дженнифер растерянно молчит. – Ваш муж дал мне эту работу, чтобы я могла обеспечивать своих родных.

– Простите меня, простите... – умоляюще сказала Дженнифер, чувствуя, что зашла в своих расспросах слишком далеко. – Как я уже говорила, я еще не все вспомнила. Пожалуйста, не думайте, что я... – густо покраснела Дженнифер, глядя, как миссис Кордоза качает головой. – В нормальной ситуации я бы никогда...

– Пожалуйста, мадам, не извиняйтесь, я все понимаю, – тихо успокоила ее экономка. – Я вижу, что вы еще на себя не похожи...

Женщины пристально посмотрели друг другу в глаза, миссис Кордоза осеклась, решив, что ведет себя слишком фамильярно, но Дженнифер думала совсем о другом.

– Миссис Кордоза... как вы считаете, я сильно изменилась после этой аварии? Миссис Кордоза? – повторила Дженнифер, когда взгляд женщины изучающе скользнул по ее лицу.

– Возможно, немного...

– А в чем? – спросила Дженнифер и заметила, что экономка тут же в ужасе отвернулась, явно пытаясь скрыть, что она думает на самом деле. – Прошу вас. Здесь не может быть правильного или неправильного ответа... Просто последнее время все так странно... Мне хотелось бы знать, как все было раньше...

– Возможно, вы стали более спокойной. Не так много времени проводите в обществе.

– А раньше я казалась вам более счастливой?

– Мадам, прошу вас... – нервно выдавила из себя экономка, теребя ожерелье. – Я не знаю, что вам ответить. Мне пора. Если вы не против, то я разберусь с простынями завтра, – быстро затараторила она и вышла, не успела Дженнифер и рта открыть.

Дженнифер сразу поняла, почему ресторан «Бичком-бер» в отеле «Мейфэр» считался одним из самых популярных заведений в городе: войдя вместе с Лоренсом в зал, находившийся всего в нескольких ярдах от холодных лондонских улиц, она вдруг оказалась в тропическом раю. Круглая барная стойка и потолок отделаны бамбуком, пол покрыт водорослями, с потолочных балок свисают рыбацкие сети и спасательные круги. Из встроенных в декоративные скалы динамиков доносится гавайская музыка, с трудом заглушающая гул огромного количества посетителей, собравшихся здесь в пятницу вечером.

На стене нарисован белый песчаный пляж и бесконечное голубое небо, в баре возвышается корабельный ростр в виде обнаженного женского торса. Рядом с ним, повесив шляпу на одну из резных деревянных грудей, стоял Билл. Завидев Лоренса и Дженнифер, он кинулся им навстречу.

– Дженнифер, наконец-то. Ивонна, а ты уже знакома с русалкой Этель? – крикнул он, снимая шляпу с женской фигуры и радостно махая ей.

– Смотри в оба, – прошептала Ивонна, целуя Дженнифер. – Вайолет осталась дома, Билл уже успел надраться в стельку.

Лоренс отпустил руку Дженнифер, и они прошли к столику. Напротив них сидела Ивонна, вскоре подошли Энн и Доминик. Когда Дженнифер проходила мимо сидевшего на другом конце стола Билла, тот схватил ее за руку и поцеловал.

– Билл, негодник. Ну-ка, перестань! – покачал головой Фрэнсис. – А то я отправлю водителя за Вайолет.

– А почему Вайолет осталась дома? – спросила Дженнифер, ожидая, пока официант отодвинет ей стул.

– Ребенок заболел, и она боится, что няня одна не справится, – сообщила Ивонна, иронически приподняв одну бровь.

– Потому что дети – это самое главное, – заявил Билл. – Даже не думайте последовать ее примеру, дамы, – подмигнул он Дженнифер. – Нам, мужчинам, вообще-то, тоже нужна женская забота.

– Закажем что-нибудь? Что у них тут хорошего?

– Я возьму «Май-тай» – откликнулась Энн.

– А я – «Королевский ананас», – заглянув в коктейльное меню, на обложке которого красовалась женщина в гавайской юбке, добавила Ивонна.

– А ты, Ларри? Дай угадаю – «Балийский скорпион»? – не унимался Билл, выхватывая у Ивонны меню. – Что-нибудь с жалом на хвосте?

– Гадость какая! Нет, я, пожалуй, предпочту виски.

– Тогда я выберу коктейль для прекрасной Дженнифер. Дженни, дорогая, как насчет «Потаенной жемчужины»? Или «Падение гавайского ангела»? Как тебе?

– Как скажешь, Билл, – рассмеялась Дженнифер.

– А я тогда остановлюсь на «Несчастном влюбленном», ведь это чистая правда, – улыбаясь, заявил он. – Ну ладно, а танцевать-то когда пойдем?

Сначала принесли коктейли, через некоторое время – горячее: свинина по-полинезийски, креветки с миндалем и стейк в перечном соусе. Дженнифер, слегка навеселе от крепких коктейлей, обнаружила, что не может заставить себя притронуться к еде. Гул голосов в зале усиливался, в углу заиграла живая музыка, пары вышли на танцпол, а сидящие за столиками гости принялись соревноваться, кто громче подпоет. Верхний свет погас, зажженными остались лишь светильники на столиках, тускло сиявшие красно-золотистым светом. Дженнифер посмотрела на друзей: Билл продолжал кидать на нее призывные взгляды, словно ожидая поощрения с ее стороны, Ивонна что-то рассказывала Фрэнсису, нежно обняв его за плечи, Энн оторвалась от разноцветного коктейля и громко расхохоталась. Дженнифер вновь охватило настойчивое ощущение, что ей здесь не место. Казалось, она находится вдалеке от своих друзей, словно за стеклянной стеной. К своему удивлению, ей вдруг ужасно захотелось домой. Не надо было так много пить, укоряла она себя, вот дурочка. Она взглянула на мужа и улыбнулась ему, надеясь, что по ней не видно, в

каком она состоянии, но он даже не улыбнулся ей в ответ. У меня все на лице написано, с горечью подумала она.

– И как это понимать? – спросил Лоренс у Фрэнсиса. – По какому поводу праздник?

– А нам разве нужен повод, чтобы повеселиться? – перебил его Билл, потягивая через длинную полосатую соломинку ананасовый сок, стоящий перед Ивонной, но та будто не замечала.

– У нас есть новости. Правда, дорогая? – посмотрев на жену, спросил Фрэнсис.

– Еще какие! – подтвердила Ивонна, откидываясь на спинку стула и прикуривая очередную сигарету.

– Сегодня мы собрали вас, наших лучших друзей, потому что хотим, чтобы вы первыми узнали об этом: где-то через шесть месяцев – да, дорогая? – мы ожидаем появления на свет маленького Монкриффа.

– У вас будет ребенок? Ты беременна? – выпалила Энн после недолгой паузы.

– А ты думала, мы его заказали с доставкой на дом? – Ивонна радостно улыбнулась густо накрашенными губами.

– Но это же замечательно. Умница! – воскликнула Энн, вскакивая с места, чтобы обнять подругу.

– Поверь мне, ума тут не надо, – рассмеялся Фрэнсис.

– Да уж, зато надо кое-что другое, – подтвердила Ивонна, и Фрэнсис шутливо ткнул ее в бок.

Плохо понимая, что делает, Дженнифер на автомате встала из-за стола, подошла к Ивонне и поцеловала ее.

– Просто чудесные новости, – произнесла она и вдруг совсем разнервничалась. – Поздравляю!

– Я хотела сказать тебе раньше, – взяла ее за руку Ивонна, – но решила, что надо подождать, пока...

– Пока я приду в себя. Ну конечно, – выпрямилась Дженнифер. – Но это действительно великолепно. Я так за тебя рада.

– Вы следующие, ребята! – намеренно громко заявил Билл, уставившись на них с Лоренсом. – Последние остались. Давай, Ларри, строгой детишек. Не подведи, старик.

Дженнифер покраснела, но понадеялась, что в темном помещении ресторана никто этого не заметит, а потом посмотрела на Билла: он уже расстегнул воротник рубашки и ослабил галстук.

– Всеу свое время, Билл, – мягко оборвал его Фрэнсис. – Мы шли к этому не один год – сначала надо вдоволь насладиться жизнью.

– Что?! Ты называешь это наслаждением?! – воскликнула Ивонна, и все рассмеялись.

– Ну, вообще-то, да. А куда торопиться?

– Совершенно некуда, – поддержала ее Дженнифер, глядя, как ее супруг достал из кармана пиджака сигару и подчеркнуто аккуратно обрезал конец.

Домой они поехали на такси. Друзья стояли на обледенелой набережной: Ивонна махала им на прощание, Фрэнсис нежно обнимал ее за плечи. Доминик и Энн ушли чуть раньше, а Билл исполнял серенады на глазах удивленных прохожих.

– Чудесная новость, да? – заговорила Дженнифер.

– Ты так думаешь?

– Ну да... А ты разве не рад за них?

– Конечно рад, – ответил он, смотря в окно на проносящиеся мимо темные улицы, освещенные светом редких фонарей. – Дети – это чудесно.

– Билл жутко напился, правда? – спросила Дженнифер, доставая из сумочки пудреницу и глядя на лицо, которое наконец-то перестало удивлять ее.

– Билл – идиот, – отозвался Лоренс, не поворачиваясь к ней.

Где-то вдалеке зазвучала сирена. Дженнифер закрыла сумочку, положила руки на колени, мучительно думая, что бы еще сказать, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

– А ты... А о чем ты подумал, когда они нам рассказали?

Лоренс повернулся к жене – одна половина его лица была освещена светом натриевой лампы, другая оставалась под покровом темноты – и с недоумением посмотрел на нее.

– В смысле, Фрэнсис и Ивонна. В ресторане ты не сказал ни слова.

– Я подумал о том, – с бесконечной печалью в голосе сказал он, – что Фрэнсису Монкриффу чертовски повезло.

Дальше они ехали молча. Такси затормозило перед домом, Лоренс заплатил водителю, а Дженнифер медленно поднялась по выложенным дробленым камнем ступенькам. На всей площади свет горел только в их доме, поэтому покрытый снегом тротуар казался бледно-желтым. Да он же пьян, вдруг поняла Дженнифер, заметив, что муж нетвердо держится на ногах и с трудом поднимается по лестнице. Она попыталась вспомнить, сколько виски он выпил за вечер, но не смогла – большую часть вечера Дженнифер просидела, погруженная в свои мысли, думая о том, как ее видят окружающие. Гще немного – и от попыток казаться нормальной у меня просто закипит мозг, подумала она.

– Хочешь, я принесу тебе чего-нибудь? – Дженнифер открыла дверь и вошла в дом. – Могу заварить чай, – предложила она, и ее слова гулко прозвучали в гигантском холле.

– Нет, – отказался Лоренс, кидая пальто на стул. – Пойду в постель.

– А я, наверное...

– А ты пойдешь со мной.

Так вот в чем дело, мелькнуло у Дженнифер в голове, пока она аккуратно вешала пальто в шкаф и поднималась вслед за ним в спальню. Она вдруг пожалела, что не напилась сильнее, – ведь тогда они могли бы беззаботно смеяться и веселиться, как Доминик и Энн. Хотя нет, вряд ли: Дженнифер уже поняла, что ее мужа с натяжкой можно назвать весельчаком.

Часы показывали без четверти два. Лоренс одним движением сбросил с себя одежду и не стал поднимать ее с пола. В его взгляде сквозили такое отчаяние и усталость, что Дженнифер на какой-то момент понадеялась, что он просто не выдержит и уснет. Она сняла туфли и вдруг поняла, что не может сама расстегнуть платье.

– Лоренс?

– Что?

– Ты не мог бы расстегнуть мне пуговицу? – попросила она, поворачиваясь к нему спиной.

Он неуклюже взялся за пуговицу и слишком сильно потянул за воротник, заставив Дженнифер поморщиться. От него несло виски и горьковатым сигарным дымом. Он потянул за пуговицу, случайно прихватив прядь волос, и Дженнифер вскрикнула от боли.

– Твою мать! – выругался он. – Оторвалась.

Дженнифер сняла платье, повернулась к мужу и забрала у него обтянутую шелком

пуговицу.

– Ничего страшного, миссис Кордоза наверняка пришьет ее так, что будет незаметно, – едва сдерживаясь, заверила его она и отвернулась, чтобы убрать платье в шкаф.

– Уберешь потом, – вдруг сказал Лоренс, глядя на нее из-под полуприкрытых век и слегка качая головой.

Он наклонился к Дженнифер и принялся покрывать ее лицо поцелуями. Она закрыла глаза, чувствуя, как его руки неловко скользят по ее шее, плечам, как будто он цепляется за нее, чтобы не упасть. Лоренс потянул Дженнифер к кровати, исступленно лаская ее грудь, и придавил ее своим весом. Она вежливо отвечала на его влажные, пахнущие перегаром поцелуи, пытаясь скрыть отвращение.

– Дженни... – тяжело дыша, шептал он, – Дженни...

По крайней мере, сегодня все произойдет быстро, подумала Дженнифер, но Лоренс вдруг остановился. Она открыла глаза и удивленно посмотрела на него.

– Что случилось? – заплетающимся языком спросил он.

– Ничего.

– У тебя такой вид, как будто я делаю что-то ужасное. Тебе так противно?

Безусловно, он был пьян, но в его голосе прозвучала какая-то непонятная ей обида.

– Прости, дорогой. Я не хотела, чтобы ты так подумал, – попыталась оправдаться Дженнифер, приподнимаясь на локте. – Наверное, просто устала, – добавила она, беря его за руку.

– Устала? Понятно.

Они сидели рядом на краю кровати. Лоренс разочарованно провел рукой по волосам, а Дженнифер почувствовала себя виноватой, однако за чувством вины, к ее стыду, скрывалось облегчение. Когда молчание стало просто невыносимым, она подвинулась к нему поближе и неуверенно спросила:

– Лоренс... как ты думаешь, со мной все в порядке?

Слова комом встали в горле. Но ведь он мой муж, я должна доверять ему, подумала она, вспомнив, как Ивонна все время смотрела на Фрэнсиса, как они постоянно о чем-то шептались, как Доминик и Энн, заливаясь радостным смехом, сидели в такси...

– Ларри! – вдруг рявкнул он. – Называй меня Ларри. Не понимаю, неужели так сложно запомнить?

– Прости, Ларри, прости меня, – закрывая лицо руками, прошептала она, – просто все так странно...

– Странно?

– Как будто что-то безвозвратно ушло, – с болью в голосе объяснила она. – Мне кажется, что я должна сложить какую-то мозаику, но мне не хватает одной очень важной части. Наверное, это звучит очень глупо...

«Пожалуйста, скажи мне, что это не так, – беззвучно умоляла она, – обними меня. Скажи, что это все глупости, что скоро я все вспомню. Скажи, что мистер Харгривз прав и скоро это отвратительное ощущение прекратится. Полюби меня хоть немножко. Просто будь со мной рядом, пока я не почувствую, что ты имеешь на это право. Хотя бы попытайся меня понять!»

Однако когда Дженнифер подняла глаза на мужа, то увидела, что он уставился на свои валяющиеся на ковре ботинки. Постепенно она поняла: он молчит не оттого, что пытается найти ответ. Он молчит, потому что пытается подавить охвативший его гнев.

– И как ты думаешь, Дженнифер, что же ушло из твоей жизни? – тихо и преувеличенно холодно спросил он.

– Ничего, – поспешно ответила она, – совсем ничего. Я совершенно счастлива, я... – Она встала и пошла в ванную. – Все в порядке. Мистер Харгривз говорит, что скоро пройдет. Скоро я окончательно приду в себя.

Проснувшись утром от тихого стука в дверь, Дженнифер обнаружила, что муж уже ушел. Она открыла глаза и поморщилась от жуткой головной боли.

– Мадам? – спросила миссис Кордоза, заглядывая в комнату. – Желаете чашечку кофе?

– Спасибо большое, это было бы просто чудесно, – охрипшим голосом ответила Дженнифер и, морщась от яркого света, медленно села в кровати.

Без четверти десять. За окном шумели машины, раздавался скрежет лопаты об асфальт, – наверное, убирали снег, весело чирикали воробьи. Раскиданную вчера по полу одежду кто-то аккуратно убрал на место. Она откинулась на подушку и прикрыла глаза, вспоминая подробности вчерашнего вечера.

Когда она вернулась из ванной и легла в постель, Лоренс повернулся к ней своей широкой, мускулистой спиной и между ними возникла невидимая, но непроницаемая стена. Дженнифер ощутила одновременно и облегчение, и растерянность. Вспоминая об этом, она испытала безмерную печаль и усталость. «Так нельзя, – подумала она, – я не должна никому говорить о своих чувствах. Я буду хорошей, буду доброй. Вчера я обидела его, вот и все, это я виновата».

«Постарайтесь поменьше думать».

В дверь снова постучались, и на пороге появилась миссис Кордоза с подносом, на котором стояли чашка кофе и блюдо с двумя тостами.

– Я подумала, что мадам, наверное, проголодалась.

– Вы так добры, спасибо. Простите, мне стоило подняться на несколько часов раньше.

– Я поставлю чашку здесь, – сообщила миссис Кордоза, ставя поднос на кровать, а чашку на тумбочку. – Не буду вас больше беспокоить; если вам что-то понадобится – я внизу, – быстро проговорила она, взглянув на багровый шрам на обнаженной руке Дженнифер, и тут же отвела глаза.

Экономка вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь, Дженнифер потянулась за чашкой, и тут ее взгляд упал на лежащую на тумбочке книгу – ту самую, которую она собиралась полистать, а потом отдать миссис Кордозе. Сначала попью кофе, затем возьму книгу и спущусь вниз – все равно надо как-то извиниться перед миссис Кордозой за вчерашний странный разговор, решила она.

Держа чашку в одной руке, Дженнифер принялась листать книгу. Строчкиплыли перед глазами, читать было тяжело, но тут из книги вдруг выпал какой-то листок. Дженнифер отложила книгу и, медленно развернув сложенный вчетверо листок, стала читать.

Любимая, я не успел сказать тебе все, что хотел, – вчера ты так быстро убежала... Я не хотел оттолкнуть тебя, поверь. Ты была так далека от истины, что мне даже больно думать об этом.

Если ты хочешь правды, то вот она: ты не первая замужняя женщина, с которой я занимался любовью. Ты знаешь, как я живу, и, если честно, такого рода отношения раньше меня вполне устраивали. Мне не хотелось настоящей близости, и когда мы с тобой

познакомились, сначала я решил, что ты не станешь исключением.

Но потом ты пришла ко мне в номер в субботу, в том потрясающем платье, и попросила меня расстегнуть пуговицу. Стоило мне прикоснуться к твоей коже, как я сразу понял: если мы с тобой займемся любовью, это будет катастрофой для нас обоих. Моя милая девочка, ты даже не представляешь, что значит жить двойной жизнью, ведь ты такое искреннее, чудесное существо. Быть порядочным человеком очень приятно, даже если сейчас ты этого не понимаешь. Я не хочу нести ответственность за то, что ты потеряешь часть того, чем имеешь полное право гордиться.

А я в ту самую секунду, когда ты посмотрела мне в глаза, понял, что если сделаю то, чего ты хочешь, то я пропал. Я не смогу бросить тебя, не смогу поступить с тобой, как с другими, не смогу вежливо кивать Лоренсу, встречая тебя с ним в каком-нибудь ресторане. Я никогда не смогу смириться с тем, что ты не принадлежишь мне полностью, и здесь я уже больше не могу обманывать себя. Именно поэтому, любимая, я снова застегнул пуговицу на твоём платье. Именно поэтому я провел уже две бессонные ночи, ненавидя себя за единственный порядочный поступок за всю мою жизнь.

Прости меня,

Б.

Дженнифер села на кровати, смотря на ту строчку, которая все расставила по своим местам: «не смогу вежливо кивать Лоренсу».

Лоренсу.

Это может означать лишь одно: письмо адресовано ей.

Я не хочу тебя расстраивать, но мне очень стыдно из-за того, что произошло между нами.

Этого не должно было случиться. Если честно, думаю, что нам не стоит больше встречаться.

Мужчина (женатый) – женщине, по электронной почте

Энтони О'Хара проснулся в Браззавиле и посмотрел на медленно крутившиеся над его головой лопасти вентилятора. Сквозь жалюзи в комнату пробивался солнечный свет, и у Энтони мелькнула мысль: умру я на этот раз или все-таки нет? Голову словно зажали в тиски, виски пронзала острая боль, казалось, что вчера ночью кто-то от души отходил его по почкам. Язык прилип к нёбу, вкус во рту был отвратительный, к тому же его слегка подташнивало. Он почувствовал неумолимое приближение паники: в него стреляли? Или побили в беспорядках на улицах? Он закрыл глаза, ожидая услышать доносящиеся с улицы звуки: крики разносчиков еды, постоянные помехи в эфире радиоприемников, вокруг которых быстро собирались люди и, присев на корточки, пытались расслышать, где ожидается очередная волна беспорядков, – ничего. Это желтая лихорадка, и на этот раз она доконает его. Не успел он додумать эту мысль до конца, как вдруг понял, что знакомые звуки Конго пропали: никто не кричит из распахнутых настежь окон, из баров не раздается музыка, никто не запекает квангу в банановых листьях, не палит из ружей, не тараторит на лингала или суахили. Тишину нарушали лишь доносившиеся издалека крики чаек.

Нет, это не Конго. Франция. Он во Франции.

На долю секунды Энтони ощутил благодарность, а потом его накрыло волной боли. Врач предупреждал, что если он снова напьется, то ему будет еще хуже, отметил он про себя, из последних сил цепляясь за способность мыслить логически. Мистер Робертсон, наверное, будет польщен, когда узнает, насколько верным оказалось его предостережение.

Убедившись, что сможет принять вертикальное положение, не осрамившись, Энтони сел, свесил ноги с кровати и для начала подошел к окну, стараясь не обращать внимания на запах несвежего пота и пустые бутылки на столе, которые говорили о том, что предыдущая ночь была долгой. Энтони осторожно на дюйм отодвинул занавеску и посмотрел на сверкающий в солнечных лучах залив, окруженный бледно-золотистым сиянием. Красные крыши домиков на склонах холмов сделаны из черепицы, а не из ржавых листов металла, как у бунгало в Конго, их обитатели – здоровые, счастливые люди, прогуливающиеся по набережным, оживленно беседующие, идущие по своим делам, куда-то бегущие. Белые люди. Богатые люди.

От одного взгляда на эту идиллию Энтони вдруг зажмурился, его затошнило, он едва успел на подкашивающихся ногах добежать до ванной и согнуться пополам над унитазом. Его вырвало, потом еще раз. Ощущая себя самым несчастным человеком на свете, Энтони с трудом залез под душ, прислонился к стене и простоял минут двадцать под теплыми струями, надеясь, что вода смоев всю грязь с его тела и души.

«Ну же, возьми себя в руки».

Он оделся, заказал кофе в номер и, более или менее придя в себя, сел за стол. Часы показывали без четверти одиннадцать: надо срочно отослать статью, над которой он работал

накануне. Энтони взглянул на испещренные сбивчивым почерком страницы, пытаясь припомнить окончание вчерашнего вечера. После нескольких попыток ему удалось кое-что вспомнить: они с Мариеттой стоят у входа в его отель, она подставляет ему губы для поцелуя. Он решительно отказывается ей, ругая себя за глупость. Девушка очень даже ничего, к тому же явно не против. Однако ему хотелось гордиться хотя бы чем-то, что он сделал в тот вечер.

Господи Иисусе! Он вспомнил хрупкую фигурку Дженнифер Стерлинг, которая с обиженным видом протягивала ему пиджак. Она невольно подслушала его глупую, крайне невежливую тираду обо всей их компании. Как там он ее обозвал? «Маленькая избалованная тай-тай... ни одной оригинальной мысли в голове». Энтони обессиленно прикрыл глаза и подумал, что в зоне военных действий работать куда проще и безопаснее – там тебе хотя бы понятно, кто свои, а кто чужие.

Принесли кофе. Энтони тяжело вздохнул, налил себе целую чашку, а потом снял трубку и усталым голосом попросил оператора соединить его с Лондоном.

Миссис Стерлинг!

Я настоящая свинья. Хотелось бы свалить все на переутомление или неадекватную реакцию на морепродукты, но боюсь, что всему виной сочетание алкоголя, который мне не стоило пить, и моей взрывной натуры, что совершенно неприемлемо в обществе. Вряд ли Вам удалось бы предъявить мне большие претензии, чем все те грехи, в которых я обвинял себя в последние несколько часов, когда немного протрезвел.

Позвольте мне принести Вам свои извинения. Возможно, Вы разрешите мне пригласить Вас и мистера Стерлинга на ланч до моего возвращения в Лондон. Буду очень рад, если Вы дадите мне возможность загладить вину.

Искренне Ваш, оконфузившийся

Энтони О'Хара.

P.S.: Прилагаю к письму копию отправленной в Лондон статьи. Хочу, чтобы Вы знали, что я повел себя достойно хотя бы в этом отношении.

Энтони сложил листок, засунул его в конверт, запечатал и перевернул. Судя по всему, он все еще был пьян: на трезвую голову он никогда бы не написал столь откровенное письмо.

Тут он вспомнил, что не знает адреса получателя, и чертыхнулся, ругая себя за глупость. Вчера вечером водитель Стерлинга заехал за ним в отель, а дорогу домой – если не считать несколько прискорбных неудач – он помнил плохо.

От консьержа толку было мало.

– Стерлинг? – спросил он и недоуменно покачал головой.

– Вы знаете, о ком я? Богатый и влиятельный человек, – повторил Энтони, ощущая ужасную сухость во рту.

– Месье, – устало отозвался консьерж, – у нас тут все богатые и влиятельные.

С моря доносился легкий бриз, воздух казался почти белым на фоне ясного неба. Энтони вышел из отеля и попытался вспомнить, по какой дороге они вчера ехали с водителем Стерлинга. Поездка заняла всего десять минут, может быть, ему все же удастся найти дом? Просто оставлю письмо под дверь и уйду, решил он, стараясь не думать о том, что будет делать после возвращения в город: тело с самого утра напоминало ему о долгой истории его отношений с алкоголем, изнутри поднималось глухое и навязчивое желание

выпить. Чего угодно – пива, вина, виски. Почки нещадно ныли, его все еще потряхивало. Прогулка пойдет мне на пользу, уговаривал он себя, приветствуя кивком проходящих мимо улыбающихся женщин в широкополых шляпах.

Небо над Антибом пылало ярко-синим огнем, на белом песчаном пляже было полно отдыхающих. Энтони вспомнил, что на этой развязке они повернули налево, на дорогу, вдоль которой в ряд выстроились отделанные керамической плиткой виллы. Затем дорога уходила вверх по холмам – значит, все правильно. Солнце нещадно обжигало его шею и покрытую шляпой голову, он снял пиджак и, закинув его на плечо, пошел вперед.

Однако стоило ему выйти за пределы города и углубиться в холмы, как он тут же заблудился. Свернув налево у показавшейся ему знакомой церкви, Энтони начал подниматься вверх по склону холма. Сосны и пальмы попадались все реже, а потом и вообще исчезли, забрав с собой спасительную тень и оставив его беззащитным, скалы и асфальт практически плавилась на солнце. Он чувствовал, как кожу начинает стягивать, – вечером наверняка будет ожог.

Время от времени мимо проезжали машины, фонтаны гравия вырывались из-под колес и летели в пропасть. Вчера ему показалось, что до их дома совсем недалеко, – они с Мариеттой шли не торопясь, наслаждаясь вечерней прохладой и ароматами диких трав, а теперь он смотрел на уходящую вдаль дорогу, и его уверенность в том, что он идет правильно, таяла на глазах.

Похоже, что я заблудился, подумал Энтони, вытирая лоб носовым платком. Дон Франклин пришел бы в восторг: Энтони, который объездил всю Африку, пересек множество границ, потерялся в двух шагах от детской площадки какого-то миллионера. Он сделал шаг в сторону, пропуская очередную машину, но тут вдруг раздался скрип тормозов, машина остановилась и, шурша по гравию, сдала назад. Из «Даймлера SP250» высунулась Ивонна Монкрифф и, сдвинув на лоб солнцезащитные очки, крикнула:

– Вы с ума сошли?! Поджариться хотите?

Энтони удивленно уставился на нее, а потом разглядел сидящую за рулем Дженнифер Стерлинг. Она взглянула на него поверх огромных темных очков с совершенно непроницаемым выражением лица.

– Добрый день, – поздоровался он, снимая шляпу, и вдруг осознал, что его мятая рубашка насквозь пропиталась потом, а лицо блестит от влаги.

– Как вас занесло в такую даль, мистер О’Хара? – спросила Дженнифер. – Ищете очередную сенсацию?

– Я... – замялся Энтони, доставая из кармана пиджака письмо и протягивая его ей, – я хотел отдать вам...

– Что это?

– Извинения.

– Извинения?

– За мое недостойное поведение вчера вечером.

– Дженнифер, тебе передать? – недоуменно взглянула на подругу Ивонна Монкрифф, заметив, что Дженнифер не собирается протягивать руку за письмом.

– Нет. А вы можете прочитать его вслух, мистер О’Хара?

– Дженнифер!

– Раз мистер О’Хара смог написать эти слова, думаю, он вполне в состоянии произнести их вслух, – невозмутимо произнесла Дженнифер, не снимая очков.

Энтони отвернулся, взглянув сначала на пустую дорогу, а потом на изнывающую под палящими лучами солнца деревню далеко внизу, и сказал:

– Я все-таки предпочел бы...

– Это мало похоже на извинения, мистер О'Хара, вам так не кажется? – мягко перебила его она. – Написать пару строк каждый может.

Ивонна Монкрифф, опустив глаза, неодобрительно покачала головой. Дженнифер же в упор смотрела на Энтони – его силуэт отражался в ее очках.

Он вскрыл конверт, достал оттуда листок бумаги и прочел свое письмо неожиданно громким раскатистым голосом. Закончив, он убрал письмо в карман. Повисла тишина, нарушавшаяся лишь приглушенным рокотом мотора. Энтони смиренно стоял и ждал ее ответа.

– Мой муж, – наконец заговорила Дженнифер, – сегодня утром уехал в Африку.

– Тогда я почту за честь пригласить вас и миссис Монкрифф пообедать. Точнее, поужинать, – поправился он, взглянув на часы.

– К сожалению, вынуждена отказаться – обещала Фрэнсису посмотреть с ним вечером какую-то яхту. Мечтать не вредно, но я уже пообещала.

– Мы отвезем вас в город, мистер О'Хара. – Дженнифер кивком указала ему на крошечное заднее сиденье. – Не хочу нести ответственность за смерть почтенного корреспондента газеты «Нэйшн» от солнечного удара и уж тем более от алкогольной интоксикации.

Ивонна вышла из машины, пропуская Энтони на заднее сиденье, села обратно, а потом, порывшись в бардачке, достала оттуда носовой платок и кинула его Энтони:

– Держите. Вы, кстати, шли совсем не в ту сторону, мы живем вон там, – сообщила она, показывая на обрамленный деревьями холм по другую сторону шоссе.

По ее едва заметной улыбке он понял, что прощен, и тут обе женщины расхохотались. Энтони О'Хара с облегчением надел шляпу, и машина понеслась по узкой дороге, ведущей в город.

Сначала они завезли Ивонну в отель «Сен-Жорж», а потом тут же встали в пробке. На прощание старшая подруга помахала Дженнифер рукой и с улыбкой сказала:

– Ведите себя хорошо.

Энтони обратил внимание на то, что она произнесла это с таким спокойствием, как будто точно знала, что волноваться не о чем.

Они остались вдвоем, и настроение тут же переменилось. Дженнифер Стерлинг притихла и стала следить за дорогой куда внимательнее, чем двадцать минут назад. Энтони исподтишка взглянул на ее покрытые легким загаром руки, изящный профиль, пока она напряженно вглядывалась в задние фонари медленно ползущей перед ними машины. Кажется, она злится на меня куда сильнее, чем я думал, встревоженно подумал он.

– И когда ваш муж вернется из Африки? – спросил он, чтобы хоть как-то прервать тяжелое молчание.

– Наверное, через неделю. Он редко задерживается там надолго, – ответила она, высовываясь из машины, чтобы разглядеть, откуда здесь взялась такая пробка.

– Наверное, обидно ехать так далеко, чтобы провести там так мало времени?

– Вам лучше знать, мистер О'Хара.

– Мне?

– Вы же знаете об Африке все, – иронически приподняла бровь Дженнифер, – сами вчера так сказали.

– Все?

– Вы знаете, что большинство мужчин, которые имеют там свой бизнес, настоящие проходимцы.

– Я так сказал?

– Да, в разговоре с месье Лафайетом.

– Миссис Стерлинг, – в ужасе начал Энтони, сползая вниз по сиденью.

– Да не волнуйтесь. Лоренс не слышал. Фрэнсис слышал, но у него там совсем маленький бизнес, поэтому он не принял ваши слова на свой счет.

Машины медленно поползли вперед.

– Пожалуйста, разрешите мне пригласить вас пообедать. Я хочу, чтобы вы увидели, что я не такой отъявленный негодяй. Ну хоть на полчаса.

– Думаете, вам удастся так быстро заставить меня изменить свое мнение? – улыбнулась она.

– Спорим? Ну что, подскажите, куда лучше пойти?

Официант принес ей высокий стакан с лимонадом, она сделала глоток и поудобнее расположилась в кресле, задумчиво глядя на море.

– Прекрасный вид, – заметил Энтони.

– Да, – согласилась Дженнифер.

Шелковистые пряди светлых волос почти касались ее плеч, окружая голову золотистым нимбом. Вообще-то, блондинки были не в его вкусе. Энтони нравились менее стандартные женщины, в которых был какой-то более тонкий шарм.

– Вы не будете пить?

– Мне нельзя, – признался он, глядя на стакан.

– Жена не разрешает?

– Бывшая жена, – поправил он. – Нет, врачи запретили.

– Так значит, вчерашний вечер и вправду показался вам невыносимым?

– Я не часто бываю в светском обществе, – пожал он плечами.

– Случайный гость?

– Признаться, я куда меньше боюсь вооруженных столкновений, чем подобных вечеринок.

– Значит, вы настоящий мистер Бут^[7], – вдруг улыбнулась она, и в ее глазах заплясали озорные искорки. – Как же вас угораздило попасть в зону военных действий Ривьеры?

– Бут? – переспросил он и вдруг обнаружил, что при упоминании незадачливого персонажа книги Во впервые за весь день искренне улыбнулся. – Думаю, у вас есть полное право обозвать меня куда менее лестно...

В ресторан вошла внушительных объемов дама, прижимавшая к своей необъятной груди крошечную собачку. Дама прошла мимо столиков с какой-то утомленной уверенностью, словно стараясь не думать ни о чем, кроме места, куда направлялась. Присев за свободный столик недалеко от них, она тихонько с облегчением вздохнула, поставила собачку на пол, и та замерла, поджав хвост и дрожа всем телом.

– Итак, миссис Стерлинг...

– Дженнифер.

– Ах да... Итак, Дженнифер, расскажите мне о себе, – попросил он, наклонившись к ней через столик.

– Пойдите, по-моему, это вы собирались мне что-то рассказать, точнее – показать.

– Что?

– Что вы не отъявленный негодяй, и, насколько я помню, у вас на это ровно полчаса.

– Вот как? И сколько же минут у меня осталось?

– Примерно девять, – сообщила она, взглянув на часы.

– И как, по-вашему, у меня получается?

– Ну, вы же не ожидаете, что я вам вот так сразу все и скажу?

Они замолчали. Энтони просто не знал, что сказать, а такое с ним случалось нечасто, а Дженнифер, похоже, пожалела о своей резкости. О'Хара вспомнил свою последнюю любовницу – жену его дантиста: рыжеволосая барышня с полупрозрачной кожей, он даже боялся лишний раз посмотреть на нее. А вдруг увидишь то, что скрывается под кожей? Муж уже давно охладел к ней, и Энтони подозревал, что она так легко поддалась на его ухаживания скорее из желания отомстить супругу, чем из искренней симпатии.

– Чем вы обычно занимаетесь, Дженнифер?

– Вынуждена вас разочаровать, – ответила Дженнифер. – У меня так мало стоящих занятий, – добавила она, заметив удивленное выражение лица Энтони, – что, боюсь, вы станете порицать меня еще больше, – закончила она, давая ему понять, что ни капельки этого не боится.

– Ну, вы ведете хозяйство на два дома...

– Нет. Здесь мы нанимаем прислугу, а в Лондоне у меня есть миссис Кордоза, которая справляется с хозяйством куда лучше меня.

– Так чем же вы занимаетесь?

– Устраиваю коктейльные вечеринки, званые ужины. Делаю вещи красивыми. Украшаю общество своим присутствием.

– Это вам прекрасно удастся.

– А вы, значит, эксперт по таким делам... Да, это дело непростое.

Энтони просто не мог оторвать от нее глаз, смотрел бы и смотрел. Его взгляд то и дело скользил по тому месту, где ее слегка вздернутая верхняя губа соединялась с нежной кожей под носом. Эта часть лица наверняка как-то называется, подумал он, если смотреть на нее долго-долго, в какой-то момент обязательно вспомню.

– Я сделала то, к чему меня готовили с детства: отхватила богатого мужа и делаю его счастливым, – неожиданно сказала Дженнифер, и улыбка исчезла с ее лица.

Возможно, менее опытный мужчина этого бы не заметил: небольшая напряженность во взгляде, намекающая на то, что под внешним антуражем скрывается нечто куда более сложное, чем могло показаться на первый взгляд.

– А я вот собираюсь выпить, если вы не против, – произнесла она.

– Конечно-конечно. Я буду наслаждаться опосредованно.

– Опосредованно... – удивленно повторила она, подзывая официанта, и заказала martini со льдом.

Просто освежающий аперитив, с некоторым разочарованием подумал он, она не пытается что-то скрыть или забыться под действием алкоголя.

– Если вам от этого легче, – весело заговорил он, – то единственное, что я умею делать, – так это работать.

– Вполне возможно, – ответила она, – что мужчинам куда проще работать, чем иметь дело с чем-то еще.

– С чем именно?

– С суетой повседневной жизни. С людьми, которые ведут себя не так, как тебе хочется, и испытывают чувства, которые тебе неприятны. На работе можно добиваться результатов, быть мастером своего дела. Люди делают все так, как вы говорите...

– Ну, это не про меня, – рассмеялся он.

– Зато вы можете написать статью, а на следующий день она уже лежит во всех газетных киосках. Разве у вас не возникает определенного чувства гордости?

– Раньше вызывало, а сейчас нет – это проходит со временем. Не думаю, что сделал что-то такое, чем могу по-настоящему гордиться. Все, что я пишу, недолговечно, завтра в эту газету в магазине завернут рыбу.

– А зачем вам тогда так много работать?

Энтони нервно сглотнул, пытаясь отогнать вставший перед глазами образ сына. Внезапно он ощутил непреодолимое желание выпить, однако взял себя в руки, натянуто улыбнулся и ответил:

– По той самой причине, о которой вы говорили, – это гораздо легче, чем разбираться с чем-то еще.

Их взгляды встретились, на какой-то момент улыбка пропала с ее лица, а в глазах промелькнуло что-то новое и непонятное. Дженнифер слегка покраснела и соломинкой неторопливо помешала лед в бокале с мартини.

– Опосредованно... – медленно произнесла она. – Энтони, вам придется объяснить мне, что это значит.

Она с такой непринужденностью назвала его по имени, что ему показалось, будто они давным-давно знакомы и наверняка скоро увидятся снова.

– Просто, – облизнув пересохшие губы, ответил он, – ты получаешь удовольствие оттого, что удовольствие получает кто-то другой.

Дженнифер подвезла Энтони до отеля. Он поднялся к себе в номер, лег на кровать и битый час смотрел в потолок. Потом спустился в вестибюль, попросил у администратора открытку и, подписав ее, отправил своему сыну. Интересно, Кларисса хотя бы передаст ему?

Вернувшись в номер, он обнаружил, что под дверью лежит записка:

Дорогой Бут!

Пока что Вам не удалось до конца убедить меня в том, что Вы не отъявленный негодяй, но я собираюсь дать Вам еще один шанс. У меня были планы на сегодняшний вечер, но они внезапно переменились. Я собираюсь поужинать в отеле «Калипсо» на улице Сен-Жак и буду рада Вашей компании. В 8 вечера.

Энтони дважды перечитал записку, быстро сбежал по лестнице и отослал Дону телеграмму следующего содержания:

**ВЫБРОСЬ ПОСЛЕДНЮЮ ТЕЛЕГРАММУ ТЧК ОСТАЮСЬ РАБОТАТЬ
НАД СЕРИЕЙ РЕПОРТАЖЕЙ О ВЫСШЕМ СВЕТЕ РИВЬЕРЫ ТЧК
ПРО МОДУ НАПИШУ ТЧК**

Ухмыльнувшись, Энтони сложил бланк и передал его администратору, представляя себе, как вытянется лицо редактора, когда тот прочтет телеграмму, а потом стал в панике думать, как успеть отдать костюм в чистку, чтобы к вечеру быть во всеоружии.

В тот вечер Энтони О'Хара блистал очарованием: он был таким, каким ему стоило показать себя накануне. Таким, каким ему стоило быть со своей бывшей женой: остроумным и обходительным джентльменом. Она никогда не бывала в Конго – муж сказал, что «такие поездки не для нее», поэтому Энтони ощутил непреодолимое желание быть непохожим на Стерлинга во всем и изо всех сил старался заставить ее полюбить эту страну. Он рассказывал ей об элегантных бульварах Леопольдвилья, о бельгийских поселенцах, привозивших с собой купленные по баснословным ценам консервы и замороженные полуфабрикаты и готовых на все, что угодно, лишь бы не есть роскошные местные продукты. Он рассказывал ей о том, как европейцы были шокированы восстанием гарнизона в Леопольдвиле, в результате которого им пришлось ретироваться в относительно безопасный Стэнливилль.

Ему хотелось предстать перед ней в лучшем свете, хотелось, чтобы она смотрела на него с восхищением, а не со сквозившими во взгляде жалостью и раздражением. И тут произошло чудо: пытаясь показаться ей обаятельным и жизнерадостным незнакомцем, он вдруг обнаружил, что постепенно становится самим собой. В детстве мама говорила ему: «Улыбнись, и тебе станет веселее», но тогда он не верил ей.

Дженнифер тоже вела себя непринужденно. Она больше слушала, чем говорила, как и положено умеющей правильно общаться женщине, смеялась над его шутками, и тогда он старался рассмешить ее еще сильнее. Энтони мысленно поздравил себя с тем, что остальные посетители ресторана поглядывали на них с восхищением: «Вы только взгляните на эту веселую парочку за шестнадцатым столиком». Удивительно, но, похоже, Дженнифер абсолютно не волновало, что ее видят в компании постороннего мужчины. Возможно, так устроена светская жизнь Ривьеры – постоянное общение с чужими мужьями и женами. О второй причине, почему она вела себя так непринужденно, Энтони старался не думать: возможно, человек его статуса, его социального уровня просто не представляет угрозы для ее репутации.

Им уже принесли горячее, и тут к их столику подошел высокий мужчина в безупречно скроенном костюме. Они с Дженнифер расцеловались, обменялись любезностями, а потом она без тени улыбки сказала:

– Ричард, дорогой, познакомься – это мистер Бут. Он пишет статью о Ларри для одной английской газеты.

Я рассказываю ему все, что знаю, и пытаюсь доказать, что промышленники и их жены не самые занудные создания на свете.

– Не думаю, Дженни, что кому-то может прийти в голову обвинить тебя в занудстве, – произнес мужчина и протянул Энтони руку: – Ричард Кейс.

– Энтони... Бут. Светская жизнь Ривьеры совершенно не кажется мне скучной. Мистер и миссис Стерлинг чудесно приняли меня, – дипломатично ответил он.

– Может быть, мистер Бут и про тебя что-нибудь напишет. Ричард – владелец отеля на холме, откуда открываются самые красивые виды. Он всегда в самом эпицентре событий Ривьеры, правда, дорогой?

– Возможно, в следующий приезд вы остановитесь у нас, мистер Бут? – вежливо улыбнулся Ричард.

– Это было бы просто прекрасно, но сначала мне надо узнать, понравилось ли мистеру Стерлингу то, что я написал о нем. Вдруг меня сюда больше не пустят, – ответил Энтони, подумав, что они с Дженнифер все время упоминают Лоренса, как будто он, невидимый, постоянно стоит между ними.

В тот вечер она просто сияла: от нее исходила вибрирующая энергия, которая, как ему казалось, предназначена ему одному. «Это все из-за меня?» – спрашивал себя Энтони, глядя на Дженнифер. Или она просто рада редкой возможности вырваться от ревнивого мужа? Вспомнив о том, как пренебрежительно разговаривал с ней вчера Стерлинг, Энтони поинтересовался ее мнением о рынках сбыта, о мистере Макмиллане и королевской свадьбе, стараясь сделать так, чтобы она не соглашалась с ним, а говорила, что думает на самом деле. Дженнифер мало знала о том, что происходит в мире, зато хорошо разбиралась в человеческой природе и искренне интересовалась тем, что он рассказывал, – словом, была идеальной собеседницей. На мгновение он вспомнил Клариссу, которая всегда язвительно отзывалась об их общих знакомых и чувствовала себя глубоко оскорбленной при малейшем проявлении пренебрежения. Энтони подумал, что уже много лет не получал такого удовольствия от вечера, проведенного в компании дамы.

– Мне пора собираться домой, – вдруг сказала она, взглянув на часы, когда им принесли кофе и небольшое серебряное блюдо с красиво разложенными на нем птифурами.

– Ни в коем случае, – заявил он, испытав страшное разочарование, и отложил в сторону салфетку. – Я так до конца и не понял, удалось ли мне загладить то жуткое первое впечатление, которое я на вас произвел.

– Правда? Знаете, вот в чем дело... – проговорила Дженнифер, многозначительно кивнув в сторону стоявшего у бара с друзьями Ричарда Кейса, – тот сразу же отвел взгляд, пытаясь сделать вид, что не смотрит на нее.

Дженнифер пристально посмотрела Энтони в глаза, словно испытывая его. Видимо, он выдержал испытание, потому что она наклонилась к нему и прошептала:

– Вы умеете грести?

– Грести?

Они спустились на набережную. Дженнифер долго разглядывала лодки, как будто была не уверена, что узнает ее, если не прочтает названия, и в конце концов показала на маленькую весельную шлюпку. Энтони спустился на борт, помог Дженнифер и усадил ее напротив себя. Дул теплый морской бриз, в чернильной темноте уютно мигали огоньки рыбацких баркасов.

– Каков пункт назначения? – спросил он, снимая пиджак, кладя его рядом с собой и берясь за весла.

– Поплыли в ту сторону. Когда будем на месте, я скажу.

Он принялся грести медленными ритмичными движениями, слушая, как волны бьются о борт лодки. Она сидела напротив, закутавшись в плащ, и словно не замечала его, стараясь следить за тем, чтобы лодка не сбилась с курса.

Энтони ни о чем не думал. В обычных обстоятельствах его мозг был бы занят разработкой стратегии и отчаянно придумывал следующий ход в ожидании предстоящей ночи. Но, несмотря на то что они остались одни, несмотря на то что это она позвала его кататься на лодке по ночному морю, у него не было никакой уверенности в том, как продолжится этот многообещающий вечер.

– Вот, – сказала она, показывая пальцем на яхту. – Вот она.

– Вы вроде говорили про лодку, – оправившись от изумления при виде элегантной белой яхты, произнес Энтони.

– Так это и есть лодка, правда большая, – нехотя признала она. – Я не особенно люблю морские прогулки, бываю на ней всего пару раз в год.

Они пришвартовали шлюпку и поднялись на борт. Дженнифер предложила ему сесть на скамейку с подушками, ушла в рубку и вернулась через несколько минут с подносом. Энтони заметил, что она сняла туфли, и изо всех сил старался не смотреть на ее невероятно миниатюрные ступни.

– Я сделала вам безалкогольный коктейль, – сказала она, протягивая ему бокал. – Решила, что на минеральную воду вы уже смотреть не можете.

Даже здесь, довольно далеко от берега, было тепло, волны мягко, едва заметно покачивали яхту. Энтони посмотрел на мерцающие огни города, по набережной проехала машина. Он вспомнил Конго, и ему показалось, что из ада он неожиданно попал прямоком в рай.

Дженнифер налила себе еще один бокал мартини и аккуратно присела на краешек скамейки напротив Энтони.

– Итак, – начал он, – как вы с мужем познакомились?

– С мужем? Мы что, все еще работаем над статьей?

– Нет, но я заинтригован.

– Чем же?

– Тем, как ему... Да нет, мне просто интересно, как люди оказываются вместе, – взял себя в руки он.

– Познакомились на благотворительном балу. Ларри пожертвовал крупную сумму денег получившим ранения военным. Сел за мой столик, пригласил меня поужинать, ну и все.

– Ну и все?

– Он был довольно прямолинеен. Через несколько месяцев сделал мне предложение, и я согласилась.

– Вы были так молоды...

– Двадцать два. Мои родители пришли в восторг.

– Потому что он богат?

– Потому что они считали его подходящей парой – надежный, с прекрасной репутацией.

– А для вас это важно?

– Это важно для всех, разве нет? – спросила она, нервно теребя край юбки. – Бут, теперь моя очередь задавать вопросы. Сколько лет вы были женаты?

– Три года.

– Не очень-то долго.

– Я довольно быстро понял, что мы совершили ошибку.

– А она согласилась на развод?

– Это была ее инициатива, – ответил Энтони, а Дженнифер быстро взглянула на него, и ему показалось, что она пытается понять, чем он такое заслужил. – Я был не самым верным мужем, – добавил он, сам не понимая, зачем рассказывает об этом.

– Вы, должно быть, скучаете по сыну.

– Да. Иногда я думаю, как бы поступил, если бы знал, что буду так сильно по нему скучать.

– Вы из-за этого пьете?

– Даже не пытайтесь, миссис Стерлинг, – криво усмехнулся он. – Слишком много добродетельных женщин пытались спасти мою грешную душу...

– А кто сказал, что я собираюсь вас спасти? – опустив глаза и уставившись на свой бокал, спросила она.

– Ну, от вас так и веет... милосердием. Я сразу начинаю нервничать.

– Если у человека горе, то этого не скроешь.

– А вы откуда знаете?

– Я не дура. Никто не может иметь все, что хочет, и мне это известно не хуже вашего.

– Ну почему же, вот ваш муж имеет все.

– Как мило с вашей стороны.

– Я говорю это не для того, чтобы показаться милым.

Дженнифер пристально посмотрела ему в глаза, а потом отвернулась, глядя на море. В воздухе нарастало напряжение, как будто они злились друг на друга, но молчали. Стоило им немного отдалиться от городской суеты и условностей реальной жизни, как отношения между ними тут же изменились. Я хочу ее, подумал он, и практически убедил себя в том, что ничего такого в этом нет.

– Сколько раз вы спали с замужними женщинами? – неожиданно резко спросила она.

– Наверное, проще сказать, что я довольно редко сплю с незамужними, – едва не подавившись коктейлем, ответил Энтони.

– Считаете нас более безопасным вариантом? – предположила она.

– Да.

– А почему эти женщины соглашались спать с вами?

– Не знаю. Наверное, потому, что были несчастны.

– А вы, значит, их осчастливили?

– Ну, на какое-то время – да. Ненадолго.

– Так значит, вы – жиголо? – В уголках ее рта снова заиграла та самая улыбка.

– Нет, просто мужчина, которому нравится заниматься любовью с замужними женщинами.

На этот раз она молчала так долго, что по его коже пробежал холодок. Он бы заговорил сам, но совершенно не знал, что сказать.

– Я не стану вашей любовницей, мистер О’Хара. Он дважды повторил про себя эту фразу, прежде чем понял, о чем она говорит, и глотнул коктейля, чтобы взять себя в руки, а потом ответил:

– Хорошо.

– Правда?

– Нет, – вымученно улыбнулся он. – Нехорошо. Но придется как-то смириться.

– Я недостаточно несчастна, чтобы переспать с вами. Господи, она что, видит его насквозь? Энтони это не нравилось.

[Купить полную версию книги](#)

Анна Винтур – главный редактор американского издания журнала «Вог». – Здесь и далее прим. перев.

Инсайдерская информация – публично не раскрытая служебная информация компании. – Прим. ред.

Многое изменилось (фр.).

Жизнерадость (фр.).

Леопольдвиль – до 1966 года – название столицы Демократической Республики Конго; теперь – Киншаса. – Прим. ред.

Стараниями Билли Батлина в конце 1930-х годов в Клектоне в Англии был открыт лагерь отдыха сети «Батлинс», работавший до 1983 года. – Прим. ред.

В русском переводе романа Ивлина Во «Сенсация» героя зовут Таппок. – Прим. ред.